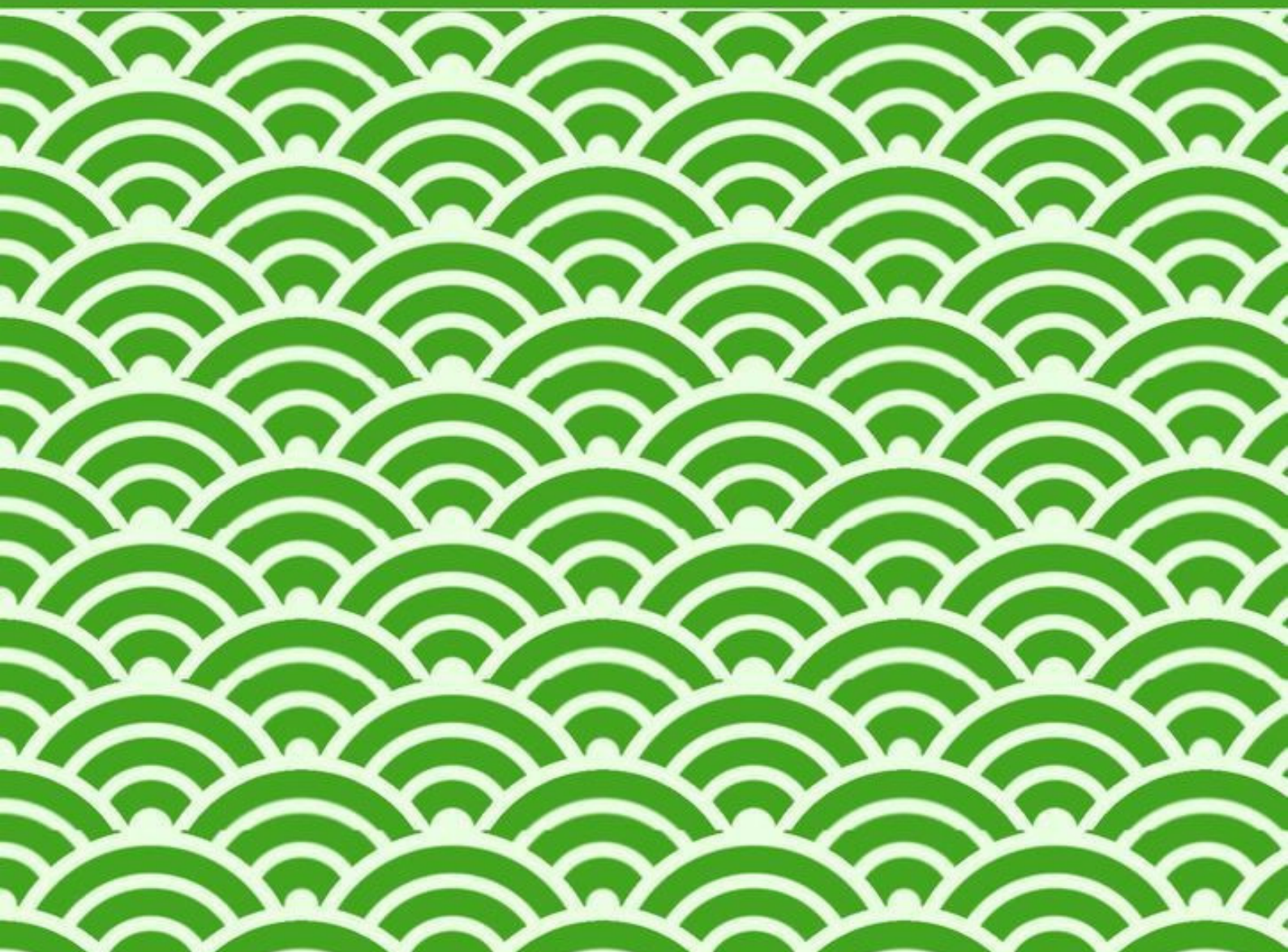

18+ Юрий Меркеев

Трещина

для тех, кто любит магический реализм

Юрий Меркеев

**Трещинка. Для тех, кто
любит магический реализм**

«Издательские решения»

Меркеев Ю.

Трещинка. Для тех, кто любит магический реализм /
Ю. Меркеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745512-5

Эта повесть — своего рода бунт против лицемерия толпы. Бунт, который начинается в психушке, продолжается в скиту монастыря и выливается на улицы тихого провинциального городка. Жанр — сатира, гротеск, магический реализм. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-745512-5

© Меркеев Ю.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	12
3	16
4	19
5	23
6	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Трещинка

Для тех, кто любит магический реализм

Юрий Меркеев

Иллюстратор Александра Николаенко

© Юрий Меркеев, 2021

© Александра Николаенко, иллюстрации, 2021

ISBN 978-5-4474-5512-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

С трещинкой можно жить. Трещинка – это не только дефект, но лазейка на волю.

Г. Майринк

1

В один из жарких дней неожиданно раннего нижегородского лета к деревне Страхово Растяпинского района приближался большой черный джип с тонированными стеклами, издали похожий на катафалк. Он ехал, плавно покачиваясь, по пыльной проселочной дороге, оставляя позади себя едва живые всполохи раскаленной сухой земли. В машине сидели двое – мужчина и женщина. Несмотря на приоткрытые окна, выглядели они взмокшими и уставшими, точно участвовали в гонках по пустыне Сахаре. Мужчина раскраснелся и даже как будто вспух от небывалой жары, женщина то и дело прикладывала к лицу смоченный холодной минеральной водой платок и, обдуваясь, яростно кляла «небесную канцелярию», в которой, по ее словам, все смешалось как в доме Облонских.

Около деревни Страхово, там, где висел деревянный щит, упреждавший гостей о том, что поблизости находится крупнейшее в Европе гнездилище чаек, джип неожиданно заглох. Женщина нервно рассмеялась:

– Все! – воскликнула она. – Тут начинается его территория. Дальше я пойду одна. Почему-то я убеждена, что мой ненаглядный прячется в этом Богом забытом месте. Не представляю, кто за ним здесь может ухаживать?

Взяв в руки два больших бумажных пакета с провизией, женщина неожиданно обернулась к мужчине, чмокнула его в щеку и извиняющимся голосом проговорила:

– Сергей, тебе с ним встречаться не нужно. Две недели назад, до того, как он удрал из больницы, он уже был плох. Можешь себе представить, что с ним теперь. Без ухода, в такую жару?! Я сделаю ему выговор за побег из клиники, оставлю продукты и вернусь. Ему, конечно, не понять, сколько хлопот мне доставляет его умирание. Раковые больные все капризные. А этот, ко всему прочему, еще и писатель, сказочник. В общем, большой и больной ребенок. Эгоист. Десять лет с ним промучилась, думала, что после развода смогу отдохнуть. А оно, видишь, как получилось! Знать, на роду мне написано мучиться с ним до конца его дней.

Мужчина накрыл ее худенькое запястье своей большой и жаркой ладонью.

– Послушай, Вика, а вдруг он уже... того? Сама понимаешь! Доктор мне по телефону прямо сказал, что в его организме столько всякой химии, что он уже давно покойник. По прогнозам медиков он должен был умереть еще зимой.

– Да, яда в нем всегда было много, – задумчиво произнесла женщина. – И хоронил он себя уже не раз. На словах только. – Она усмехнулась, и недобрый огонек засверкал в ее красивых изумрудных глазах. – Только на словах, – повторила она. – Он ведь сказочник. В последнюю нашу встречу заявил мне, что забронировал себе местечко в аду среди «многословных и сладкоречивых демонов», то есть среди писателей. Потом, впрочем, уверял меня, что явившийся за ним ангел смерти ошибся адресом и за эту ошибку подарил ему еще одну пару глаз, и теперь будто бы у него появилось какое-то особое духовное зрение, которое есть только у тех, к кому приходил ангел смерти... Я уже тогда поняла, что от химии он бредит. В конце концов он оплачивает по счетам. Бог шельму метит. Уверял меня, что смерть не страшна, если ее осмыслить. Ну, не бред ли это? Одним словом, сказочник. Господи, чего он только не нес в бреду! Сообщил мне, что в больнице он узнал, что слова «умирание» и «смирение» – однокоренные, и что смерть – это наивысшая форма смирения, и тот, кто принимает смерть со смирением, попадает в рай.

– Зачем он тогда сбежал из клиники? – спросил Сергей.

– Вот именно, зачем? Этот человек со смертью никогда не смирится. Уж это я знаю точно. Будет изворачиваться, как змей, придумывать сказки, окружать себя демонами, но со смертью он не смирится. На словах – да, на деле... – Она покачала головой. – Мне кажется, что не только у меня, но у самого Господа Бога терпение лопается. Хорошо, что Машка не видит отца таким.

Пожалуй, она – единственная, кто любит его несмотря и вопреки. Дочки всегда любят своих отцов больше, чем матерей. Закон природы. А она к тому же вся в него. Одиннадцатый год пошел, а она с куклами расстаться не может. В ванную не залезет, пока в нее не закину весь ее резиновый зоопарк. Ничего не поделаешь, – вздохнула Вика. – Гены сказочника.

Она ласково взглянула на Сергея, которому всегда нравилось, когда его новая жена ругала в его присутствии старого мужа (ведь это было почти тоже самое, что хвалить самого Сергея), и тихо произнесла:

– Я скоро, милый. Ты пока машиной займись. Попробуй понять, почему на полпути в деревню у нас неожиданно испортился кондиционер. И вообще...

Вика была удивительно красива какой-то особенной «неподиумной» живой красотой. Сказочник знал толк в женщинах. Сергей потянулся к ней и поцеловал в губы.

– Постарайся недолго. Если ему понадобятся деньги, дай. Все-таки человек умирает. Надо уважить, даже если он никого в своей жизни не уважал.

– Спасибо, милый, – нежно пропела Вика. – Ты такой щедрый.

Она вышла из машины и направилась в сторону главной и единственной улицы деревни. Было тихо. Только высоковольтные провода издавали странные щелчки и гудели, как заколдованные. В такую жару даже деревенские псы ленились тявкать. Полуденное солнце поливало землю точно расплавленным металлом из литейной печи. Душно было до тошноты. Ей и раньше это место не очень нравилось, еще когда она была женой Алексея и была отравлена его бесчисленными фантазиями, как наркотиками. Тем более сейчас, когда сама местность будто впитала в себя все его яды. Вика была тут раза два или три; Алексей приезжал оформлять документы на право наследной собственности на старый деревянный домик, принадлежавший его покойной бабушке. С той поры Вика поклялась себе больше не посещать этого Богом забытого места.

Ей было жутковато от близости «поющих» болот и заброшенных торфяников с водой коньячного цвета, от которой исходил опьяняющий горько – сладкий запах каких-то ядовитых трав, вызывающий головокружение и тошноту. В этом уголке как будто сама жизнь была обречена на умирание. Видимо, поэтому сочинителя потянуло именно сюда умирать. «Этот человек, – думала она, – даже свое умирание хочет обставить как сказку. Несносный человек!»

Она прошла несколько домов вдоль улицы и не ощутила здесь никаких признаков жизни. Не лаяли собаки, не мычали коровы, не блеяли овцы, обычные для деревень; не встречались люди. Только маленькая собачонка с персиковыми кудряшками молча сопровождала Вику на почтительном расстоянии от нее и как-то странно, по-человечьи и даже по-женски ревниво поглядывала на гостью. Вика остановилась перевести дух, вытащила из пакета пирожок с мясом и поманила странную псинку. Та замерла, как вкопанная, и даже носом не повела на предложенное угощение. Вика бросила пирожок и пошла дальше, а собака демонстративно проигнорировала подачку, и, задрав кверху свою симпатичную мордочку, потрусила за ней следом. «Люди, ау! Где вы?» – мысленно прокричала Виктория, чувствуя, что ощущение сказочности и отравленности этого места все больше одолевает ее. «Сейчас выплывет черт с рогами, ухмыльнется и скажет: «Добро пожаловать в ад. Оставь надежду всяк сюда входящий», – подумала она и тут же поймала себя на мысли о том, что она говорит его словами и думает его мыслями. – «Этак я от него всю жизнь не отвяжусь. Дьявол! Глубоко он во мне сидит. Такого просто так из себя не вытравишь. Даже наполовину мертвого».

Около домика сочинителя она остановилась для того, чтобы еще раз перевести дух. Собачка, которая ее сопровождала, неожиданно прошмыгнула мимо нее в калитку и только теперь залаяла. В окне дома показалась тень ее бывшего мужа. Боже, как он исхудал! Лицо его было желтой восковой маской, глаза слезились, видимо, от тех ядов, что он принимал. У него была последняя стадия онкологии. Увидев бывшего мужа таким, Вика почувствовала произвольный приступ жалости, а ведь она шла сюда совсем с другими намерениями – не пожалеть,

а отругать его за то, что он сбежал из дорогой частной клиники, в которую Сергей передал аванс в размере трех тысяч долларов.

Она удержала волевым усилием слезы на полпути от сердца к глазам и вошла в калитку. Старый дом был подстать своему больному хозяину, – он истончился до той мрачной глубины, за которой проглядывала бездна вечной жизни.

Когда она вошла в дом, сочинитель сидел в кресле – качалке и курил. Перед ним на столе среди пустых ампул, грязных шприцов и упаковок из-под таблеток стояла начатая бутылка портвейна.

– Ну, здравствуй, Алексей.

– Здравствуй, Вика.

Голос его был сухим и трескучим как дробь деревянной палки о дерево. На лице застыла печать смерти. Вика положила на пол пакеты с продуктами и присела на стул, стараясь не встречаться с ним взглядом. Ей нужна была дистанция, которую даже врачи выдерживают с умирающими больными. В ней сидел какой-то неосознанный страх, будто бывший муж мог заразить ее вирусами смерти.

– Здесь продукты. Все диетическое, – сказала она, теперь уже не понимая, зачем пришла. Перед нею сидел человек, переубедить которого в чем-то могла только смерть. Своенравие камнем застыло в его благородных, но неизлечимо больных чертах. – Зачем ты это сделал? – спросила она.

Кресло – качалка, в котором сидел сочинитель, медленно поскрипывало. Она быстро взглянула на его лицо. Он улыбался натуженной болезненной улыбкой. Вика тут же осудила себя за менторский тон.

– Ты же знаешь, Вика, я не доверяю нашей медицине. Она лечит следствие, а не причину.

– Причину лечат в церкви, – обронила она.

– У меня нет сил лечить причину. Я болен и стар.

– Стар?! – воскликнула Вика. – Сорок три года и – стар?

– Я стар от другого, – спокойно ответил он. – От постоянной боли. От боли стареют очень быстро. Месяц такой боли идет за пять лет жизни.

– Но ведь в клинике – люди. Тоже больные. Значит, понимающие твою боль. Ты загнал сюда себя как отшельника.

– Запомни, Вика, не только сытый голодному не товарищ. Еще в большей степени голодный голодному не друг. Мне раньше тоже казалось, что больному легче пожалеть больного. Это не так. Больные все – эгоисты. Нельзя любить людей, когда у тебя что-то болит. Нужно сначала избавиться от боли.

– Ну, а друзья? Коллеги?

Он вяло улыбнулся.

– Какие друзья могут быть у писателя? Коллеги? Сочинители все как больные люди. Они завистливы, эгоистичны и самолюбивы. Кроме того, мой вид вызывает жалость. А я не хочу, чтобы меня жалели. – Он поморщился. – Не хочу, чтобы меня хоронили с трогательными слезливыми речами. Не хочу, чтобы, закопав меня в землю, мои друзья заторопились бы на поминки... жрать да пить.

Вика почувствовала в голосе сочинителя раздражение.

– Но кто за тобой здесь будет ухаживать? – ласково спросила она.

– Госпожа Янь.

– Кто? – не поняла женщина.

– Собачка, которая тебя встречала. Пекинесик. Я подобрал ее на помойке, куда ее, больную и умирающую, выбросили «любящие» хозяева. Я подобрал ее, выходил. Теперь она мне служит. Нет преданнее существа, чем собака.

Вика почувствовала укор в свой адрес и промолчала, полагая, что сочинитель находится в бреду. Он говорил о собаке, как о женщине.

– У тебя просто... подавлена воля, – вырвалось у нее. – Ты никак не хочешь взглянуть на ситуацию трезво.

Тихий трескучий смех раздался в ответ на это замечание.

– По поводу воли и трезвости я расскажу тебе реальную историю, – произнес сочинитель. – Если ты когда-нибудь встретишь талантливого писателя, подари ему эту историю. Пусть напишет хороший рассказ. Одной девушке по ошибке поставили диагноз «рак» и объявили по любви к близнему, что жить ей осталось полгода. Девушка была очень волевая и трезвая, и рассудила так: раз такое дело, то нужно помириться со всеми близкими, попрощаться с ними, а уж потом и в гроб можно ложиться. Все мы, дескать, там рано или поздно окажемся. Стала она прощаться – литературно так, театрально, по-чеховски, одним словом – по-русски. Любимый юноша, который никогда не выказывал своих чувств, рыдал у нее на груди как ребенок. Все плакали, молились, просили у нее прощения, носили ее на руках, точно дитя. Они тоже с нею прощались по-русски. Продолжалось это театральное действие полгода. Ей понравилась роль умирающей героини, она влюбилась в самое себя. И вдруг – звонок из больницы! Простите, мол, вышло досадное недоразумение. У девушки, у которой рак, такие же имя и фамилия. Та девушка скончалась, Вы же абсолютно здоровы. Живите и радуйтесь жизни. – Сочинитель прервался и посмотрел в окно, за которым был виден старый засохший дуб, сраженный некогда молнией. – Ты думаешь, она обрадовалась своему воскрешению? Трезвая, волевая девушка. Ты думаешь, она бросилась любить жизнь? Нет, милая Вика. Это была русская девушка, чеховская. Она уже успела полюбить свое трогательно – прощальное умирание, взлелеять его. Так и не сказав никому о своем чудесном воскрешении, девушка простилась со всеми близкими и наложила на себя руки.

– Какой ужас, – пробормотала Вика.

– Вот почему я не доверяю медицине, – сказал сочинитель. – Она не умеет настраивать человека на жизнь.

– Зачем тогда ты себя настраиваешь на смерть?

Со стороны этот разговор двух еще не старых людей мог бы показаться бредом. О смерти говорили без особенных эмоций, как о предмете, с которым давно свыклись и даже сроднились.

– Ты ошибаешься, – спокойно ответил Алексей. – Я убежал от людей не для того, чтобы умереть обиженным и одиноким. Дух здорового авантюризма еще живет во мне. Ты знаешь, что я только одним приемом владею в совершенстве – таинством литературы. Для писателя – это все равно, что церковное таинство для верующего. Для того, чтобы мне воскреснуть, моей окаменевшей от болезни душе понадобится шоковая терапия. И я знаю, кто мне поможет.

– Кто же?

– Мои литературные герои.

– Что? – Вика удивленно воззрилась на сочинителя. Теперь она была убеждена, что он бредит.

– Врачу, исцелился сам, – продолжал он трескучим голосом. – Это закон, который я вывел благодаря этой химии. – Сочинитель со злостью ткнул пальцем в грудку упаковок с лекарствами. – Хотя они и стоят бешеных денег. Что для немца лекарство, то для русского смерть. Запомни это, моя дорогая. И не трать на меня больше денег. Верующий исцеляется покаянием. А для того, чтобы каяться, душа должна ожить. Камень тоже может обратиться в хлеб с помощью Божией. Только нашему брату – сочинителю посложнее всех прочих. Я болен дважды – сочинительством и болезнью. Сначала я должен оживить душу... Мне нужен магический театр, литературное таинство...

Сочинителя вдруг перекосило от боли, и Вика бросилась к столу со шприцами и ампулами.

– Я сам, – дрожащим голосом произнес бывший муж. – Я должен все делать сам. Закон...
Врачу, исцелися...

Перетянув жгут с помощью зубов, он ввел в исколотую вену кубик какой-то желтой маслянистой жидкости, приложил к ранке кусочек ваты; потом взял со стола платок, вытер холодный пот, скапливающийся на висках во время приступов; подождал, пока боль утихнет, и, поднявшись с кресла, неожиданно поманил Вику на второй этаж. «Он не просто бредит», – подумала она, поднимаясь за ним по шатающейся деревянной лестнице. – «Кажется, он сходит с ума на фоне обезболивающих лекарств».

Поднявшись, Вика увидела ужасно пыльную комнату, заваленную всяким старинным хламом – настоящий музей древности. Сочинитель прошел вперед, бережно снял с полки старинную чернильницу с гусиным пером и, обернувшись к Вике, странным шепотом произнес, впиваясь в нее безумным расширенным взглядом:

– Никому не говори то, что сейчас услышишь. Эти вещи волшебные, Вика. Я хочу создать здесь магический театр и исцелиться с помощью таинства сказки. Героев, которые мне помогут в этом, я уже вызвал к жизни. Скоро они придут.

Вика испуганно покосилась на висевшее на стене на гвоздике старинное охотничье ружье, очевидно, принадлежавшее некогда деду Алексея. «Бред, – подумала она. – В театре оно обычно стреляет... раз уж висит на гвоздике в первом акте пьесы. А он сам заговорил о магическом театре».

* * * * *

– Ну, как он? – спросил Сергей, когда Вика вернулась к машине. Женщина была растеряна и немного напугана.

– Не знаю, что он задумал, – ответила она, – но жить ему, кажется, осталось недолго. Он ведет себя как сумасшедший. Я даже испугалась. Бредит, отказывается от помощи, говорит, что ухаживать за ним будет собачка, которую он подобрал на помойке. В общем, зрелище жалкое и страшное одновременно.

– Говорил я тебе, что его нужно отправлять в хоспис в добровольно – принудительном порядке. Там за ним будет хоть какой-то присмотр.

– Нет, – покачала головой Вика. – В хосписе он умрет быстрее. Даже домашняя кошечка уходит умирать на волю. А он... что же?! Он не смирится со смертью никогда. Он по-прежнему своенравен и упрям, сейчас – в особенности. Признается, что его душа окаменела. Хочет ее оживить с помощью волшебства. Бр-р-р, – поежилась женщина. – Больше я сюда ни ногой.

– И все-таки я не понимаю, почему он сбежал из такой дорогой клиники, – задумчиво пробормотал Сергей. – Уровень европейской медицины, волонтерки с пышными формами. За этот рай я авансом заплатил три тысячи баксов. Сам бы лег туда отдохнуть.

Сергей рассмеялся собственной шутке и взглянул на Вику. Она смотрела прямо перед собою в одну точку, никого и ничего не видела, была бледна и о чем-то напряженно размышляла. Сергей завел мотор, и большой черный джип, похожий на катафалк, медленно поехал обратно в сторону Растяпина. Из головы Вики никак не выходил восторженно – безумный взгляд Алексея в комнате на втором этаже. Этот взгляд был ненормален и, очевидно, вызван приемом обезболивающих лекарств – наркотиков, и все же сквозь болезненную пелену пробивался тот живой огонек здорового авантюризма, который она помнила и любила все десять лет жизни с сочинителем, и знала, что это и есть тот животворящий дух, который осенял Алексея только тогда, когда в нем рождалась волшебная сила творчества и упрямая жажда жизни. «И это будет война, – подумала она, зная решительность своего бывшего мужа в таинствах сочинительства. – Война не на жизнь, а на смерть. И еще не известно, кто в этой войне победит: животворящий дух сказки или болезнь и смерть. В свой ад он входит с девизом война,

а не попавшего в плен слабака. Возьми надежду всяк сюда входящий. Это он, кажется, вынес эпитафией в своем магическом театре?».

Сергей всю дорогу о чем-то возбужденно болтал, а она молчала и думала – думала о своем.

2

Джип успел удалиться от Страхово на приличное расстояние, прежде чем сочинитель собрался, наконец, с силами спуститься со второго этажа вниз по крутой деревянной лестнице с шатающимися ступеньками. Он долго стоял наверху, тяжело дыша и опираясь одной рукой о перила, и виновато улыбался, вспоминая, с какой безрассудной легкостью он забрался сюда, чтобы продемонстрировать Вике антураж для магического театра. «Она, конечно, мало что поняла, – подумал сочинитель. И, вероятно, решила, что метастазы проросли во все мои внутренности, как ядовитые грибы на трухлявом пне, и отравили мой мозг. Однако, в одном она права: смерть нельзя допускать до себя слишком близко. Эту костлявую дамочку лучше держать на расстоянии, потому как она только и ждет удобного случая пустить в тебе ядовитые корни».

Сочинитель почувствовал, что наступает какая-то очень значительная минута в том, что он задумал и выстрадал как магический театр, и, закрыв глаза и держа перед собою на вытянутой руке перо и чернильницу с торжественной важностью помазанного на власть короля, демонстрирующего челяди державу и скипетр, прошептал как заклинание:

– Я спускаюсь в царство теней с надеждой и клянусь биться с костлявой до последнего... и буду использовать для этого все известные мне средства... В правой руке моей преобразенные таинством литературы плоть и кровь сказочника – гусиное перо и чернила. Вместе они родят волшебное слово, и да сотворится сие таинство мне во спасение.

Сочинитель тяжело вздохнул, отер рукавом крупные капли пота, скопившиеся на лице, и присел на верхнюю ступеньку лестницы передохнуть. После укола у него всегда кружилась голова и слабели руки и ноги, иногда – мутился рассудок.

Вот и сейчас с ним происходило что-то непонятное: предметы в доме как будто начали оживать; лестница показалась ему хребтом необъезженного жеребца, готового сбросить с себя всякого, кто посягнет на его свободу. С книжных полок на него смотрели не книги, а живые существа с застывшими в какой-то одной эмоции лицами. На него смотрели: радость, испуг, тревога, ярость, огорчение, этот пестрый пантеон языческих богов, – и сочинитель уронил на руки голову и долго сидел в неподвижности, ожидая, когда пройдет наваждение.

Он был плох. Да, дорогой читатель, ангел смерти навестил нашего сказочника, и не просто навестил, но оставил вместе с еще одной парой глаз несмываемую печать умирания – подобно тому, как на золотом слитке ставится проба. С души сказочника ангел смерти снял пробу и понял, что вскоре он вернется сюда. Вероятно, это происходило ночью, потому как подслеповатый дух долго держал над лицом сказочника зажженную лучину, чтобы запечатлеть черты, опалил его и исчез, оставив на лице пробу смерти.

Неожиданно его мертвенно – бледное лицо озарилось тихим внутренним светом: он набросил на необъезженного жеребца седло со стремями и ловко запрыгнул на него. Покачиваясь, точно пьяный, сочинитель начал осторожно спускаться вниз. При этом он произносил вслух вступление к своей новой сказке, которое он сочинил еще год назад в самом начале своей болезни:

– Есть люди, – скрипел он, – похожие на глубокие подземные лабиринты. Чем дальше погружаешься в них, тем больше возникает загадок и тайн. Попадают в их недрах шахты, наполненные странными существами, дремлющими до той поры, куда инструмент исследователя не коснется их демонической сути. – Голос его окреп, и он начал петь эти слова, как в церкви поют «херувимскую». Глаза у него были закрыты, и ему вдруг показалось, что чей-то тоненький женский голосок завторил ему:

– Попадают красивые незамутненные источники, озера с кристально – чистой питьевой водой, целые «байкалы». Встречаются дурманящие болота с гнилостными испарениями,

от которых кружится голова и путаются мысли. Но случаются и дворцы из чистого золота и алмазов. В таких дворцах чувствуешь себя легко и свободно, словно в сказке, великолепие красоты услаждает взор. Когда общаешься с такими людьми, поневоле испытываешь глубокое уважение, ибо люди эти – легенда, их жизнь туго вплетена в узор мироздания, их опыт – всегда раскрытая книга. Кому посчастливится прочитать ее, тот найдет в ней ответы на все вопросы.

Сочинитель остановился и открыл глаза. Внизу, там, где любила отдыхать собачка по прозвищу Госпожа Янь, стояла красивая восточная женщина, преданно взирающая на сказочника.

– Госпожа Янь, – трогательно прошептал сочинитель, чувствуя, как ком подкатывает к его горлу. – Ты пришла ко мне на помощь, бедная моя китайская страдалница. Ты помнишь, как я спас тебя, выброшенную людьми на свалку умирать от голода и болезней, как ухаживал за тобой...

В голове у него зашумело, и он снова опустился на ступеньку передохнуть. Видение исчезло. На полу, помахивая пушистым хвостом, сидел пекинесик и сострадательно смотрел на хозяина.

– У меня скоро будут гости, – вдруг с совершенной ясностью проговорил сочинитель. – Мои литературные героини. Я чувствую это. Они придут мне на помощь, потому что люди выбросили меня на свалку умирать. К умиранию можно привыкнуть, но смириться с ним я не смогу никогда.

– И не нужно, – ласково проговорил приятный женский голос, и сочинитель снова увидел китайскую красавицу Госпожу Янь, одетую в платье из тончайшего полупрозрачного шелка. Ее прекрасная фигура была искусно выточена из слоновой кости рукою Великого Мастера, глаза смотрели на сказочника с сострадательной нежностью и преданной любовью. – У Вас скоро будут гости, хозяин, – поклонилась она, протягивая сочинителю сложенную вдвое местную газету, которая стала таинственным образом появляться каждое утро на подоконнике у открытого окна. – Там некролог о Вашей кончине, хозяин, – тихо прибавила красавица. – Растяпинская общественность извещается о том, что на сорок четвертом году жизни после долгой и продолжительной болезни ушел известный растяпинский писатель Алексей К., посвятивший свою жизнь служению литературе.

Сочинителя обдало могильным холодом, но уже через минуту он совладал с собой и язвительно смеялся над некрологом.

– В конце концов, они не так сильно ошиблись, – заметил он. – В некотором смысле я действительно труп. Сил у меня хватает добрести до страховского кладбища, дальше – не могу. До церкви хотел дойти. Сил не хватило. До нее – еще километр.

Он улыбнулся, ощутив после некролога какое-то психологическое облегчение, так, словно до этих скудных некрасивых слов о его смерти растяпинская общественность держала его в своих колючих болезнетворных объятиях.

– А это даже неплохо, не так ли? – обратился он к Госпоже Янь, которая по-прежнему неподвижно стояла напротив хозяина. – Считаться мертвым, но быть при этом живым. Так, наверное, чувствуют себя призраки. На меня будто надели шапку – невидимку. И атмосферный столб перестал давить так сильно как раньше.

Сочинитель скользнул взглядом по небольшой статье, которая располагалась над его некрологом. Называлась она «Вышел из шахты бес». Статья заинтересовала писателя, и он быстро прочитал ее.

«Местные буровики из растяпинской геолого – разведочной экспедиции, – сообщалось в ней, – загнали бур в какую-то таинственную шахту, из которой вылетела черная птица. Из шахты стали доноситься стоны людей, похожие на плач грешников, которых в аду жарят черти на сковородках. Таким образом, – делал странное заключение автор статьи, – вылетевшая из шахты черная птица – это дьявол, который выскочил на свободу. Между прочим, – прибавлял журналист, – в тот же день вся бригада буровиков напилась вдрызг, перессорилась,

а кто-то из рабочих не донес до дому зарплату, заявив грозным женам о том, что вина лежит на бесе, который выскочил из шахты как джин из бутылки».

Сочинитель расхохотался, смял газету и бросил ее к печке.

– Нужно сжечь эту чепуху, – сказал он китайской красавице. – И развеять пепел по ветру. А то некоторым покажется, что дьявол вылетел не из шахты, а из моей покойной души. Придумали тоже, борзописцы, располагать блудливые статейки над некрологами. Еще бы рекламу колбасы разместили над упоминанием о чьей-то безвременной кончине.

– Ваше слово – закон, хозяин, – почтительно склонила голову Госпожа Янь.

– Перестань, пожалуйста, называть меня на «вы» и «хозяином», – сказал сочинитель, поднимаясь и выкладывая на стол чернильницу и гусиное перо. – Мы с тобою наполовину призраки, а у призрака нет возраста. Значит, мы брат и сестра по духу. Договорились?

– Хорошо, хозяин, – почтительно ответила китаянка.

Сказочник глубоко вздохнул.

– Ну, ладно, Бог с тобой. С «вы» на «ты» перейти очень легко, а вот наоборот – задача.

Сказочник непроизвольно скользнул взглядом по полуобнаженному телу китайской красавицы и тут же стыдливо уставился в окно.

– У духов не может быть стыда, – смущенно пробормотал он, чувствуя, как легкий румянец загорается на его щеках. – В конце концов мы только брат и сестра... Да, брат и сестра...

Сказочник поморщился.

– А, может быть, черт с ними, с этими пилюлями? – проговорил он, с ненавистью глядя на лекарства, но тут же скорчился от приступа боли. – Увы, – обреченно прибавил он, расшлепуя пластиковую упаковку и проглатывая две разноцветные пилюли. – Как видно, боль не оставляет человека и на том свете, – мрачно пошутил он.

В это мгновение в дверь дачного домика постучали.

– Кажется, это наш первый гость, – оживился писатель, поворачиваясь в кресле лицом к сеням. – Прошу вас, входите! – крикнул он, заранее зная, кто должен был выплыть из бездны метафизического бытия. Ибо таинство превращения литературного текста и плоть и кровь живых персонажей произошло.

* * * * *

Деревеньку Страхово, на окраине которой находился домик сочинителя, окружали густые леса и болота. Гости были явлением чрезвычайно редким, поэтому если кто-нибудь из посторонних людей по какой-нибудь надобности или случайно забредал в деревню, то страховцы – старожилы потом с неделю судачили об этом, смешивая правду и вымысел в одну гремучую смесь под названием «сплетня», то есть искусное сплетение народной тяги к сказаниям и реальности, которая на легенду была, как правило, не похожа. Попасть в деревню можно было только с одной стороны – с проселочной дороги, ведущей к трассе «Растяпин – Нижний Новгород». Поэтому войти в Страхово незамеченным можно было только ночью.

Чуть севернее от деревушки ландшафт был усеян ситниковскими торфяниками, превратившимися в болота – место известное в среде орнитологов огромным по европейским масштабам рестилищем чаек. Иногда напоенную ароматами хвои и болотной растительности тишину вдруг взрезал шумный гвалт птичьих голосов, и в чистом лазурном небе вспыхивал настоящий салют из черно-белых, похожих на бумеранги, крыльев чаек. Это означало, что либо какой-то хитрый лесной зверек прокрался ко гнездилищу птиц полакомиться яйцами или птенцами, либо кто-нибудь из обитателей расположенного по соседству с деревней Троицкого скита решили уподобиться древним Соловецким монахам, которые от нужды, бывало, на лодках пробирались к самому отдаленному островку Соловецкого архипелага для того, чтобы под-

кормиться яйцами гагар и чаек. Кстати, с той поры этот остров и величали Заячий, только не от слова «заяц», а от монашеских экспедиций «за яйцами».

...Словом, подойти к деревне незамеченным было невозможно ни с той, ни с другой стороны.

Первым, кто подивился в тот жаркий июньский день на странных гостей Алексея, был его сосед – восьмидесятилетний старик Макар Иванович Чуркин по прозвищу Кулугур.

Именно он сначала заметил, как из соседской дачи выскочила «сучка с приплюснутым носом басурманской породы», а через минуту на пороге дома появилась «какая-то восточная девица, голая, в платице, сшитом из одних слез, срамота одним словом!». Точно предчувствуя, что этим превращением дело не ограничится, Макар Иванович продолжал пялиться в сторону соседской дачи, и его ожидание вскоре было вознаграждено: он отчетливо увидел, как из печной трубы странного соседа вылетело черное облачко в форме птицы, а спустя минуту чуть не с неба свалился толстенький круглолицый мужчина с черной кожаной барсеткой в руке. Обожженный крапивой и репейником, мужчина вскрикнул, затем оправился, отряхнулся, пригладил остатки некогда густой кучерявой шевелюры и, подойдя к дверям соседской дачи, робко постучал в дверь.

– Прошу вас, входите! – раздался голос соседа, и странный субъект пропал в доме.

3

«Неужели мне все это снится?» – подумал сочинитель, глядя на отряхивающегося от репейника взмыленного толстяка, боязливо переступающего порог дачного дома. – «А, может быть, я в самом деле уже умер и живу после смерти среди мною же созданных образов, слегка обрюзгших и потяжелевших по причине немилосердного пристрастия к земным радостям? Что ж, если это и есть преисподняя, тогда здесь не тоскливее, чем в обычной жизни».

Гость чертыхнулся и, поспешно спрятав за спину руку с туго набитой барсеткой, пробурчал в адрес хозяина дома:

– Могли бы заранее пригласить, а не так... В годы инквизиции так не поступали... Возмутительно!

«Ах, это не сон!» Перед сочинителем стоял известный в Растяпине человек, коммерческий директор местного телевидения Илья Абрамович Бральвага, который переминался с ноги на ногу и лихорадочно соображал, как вести себя в столь неожиданной ситуации, когда его, уважаемого человека, выдергивают из привычного хода вещей с помощью какой-то высшей магии.

«Да, это не сон». Резкая и сильная боль в правом подреберье моментально опустила сказочника на землю. С трудом заставив себя улыбнуться, он миролюбиво проговорил:

– Здравствуйте, уважаемый Илья Абрамович. Простите, если оторвал Вас от житейских забот. Однако же сегодня воскресенье, к тому же Троица. Большой день. Порядочные люди торопятся в церковь, а не к банкомату.

– Вы это завтра Шпигель объясните, да? – сверкнул глазами разгоряченный Бральвага. – Утром мне нужно расплатиться с режиссером агитационного предвыборного ролика нашего мэра. И – какая там церковь, да-а? я человек не верующий. Мой папа жил согласно талмудической мудрости. Я же и талмуда в глаза не видел, да? Вот мой бог! – Бральвага вытащил из-за спины барсетку и нежно похлопал по ней. – А мне что Троица, что Четверица, что Пятерица, все одно. Лишь бы денежные знаки водились, а поверить я готов во что угодно, да? Хоть в фэншуй, хоть в черта лысого. Есть деньги, ты живой. Нет денег, ты труп. Да?

Бральвага неожиданно побледнел и медленно поднял на сочинителя застывший совиный взгляд.

– Вы... вы... во вче... вчерашней газете, – пробормотал он, заикаясь. – Со... сообщили, что вы... вы... после долгой и тяжелой болезни... Того... А вы живой, да?

– Вышло маленькое недоразумение, уважаемый Илья Абрамович, – пояснил сочинитель. – Все дело в том, что у людей разное чувство юмора. Когда я лежал в онкологической клинике, туда позвонили из растяпинской администрации, из отдела культуры, какая-то очень серьезная дама, узнать, как я себя чувствую. А поскольку чувствовал я себя там хуже покойника, то так и ответил: «Писатель Алексей К. только что умер». Очевидно, мою шутку дама приняла всерьез, и меня спешно похоронили. В самом деле, чего особенно церемониться? Я не какой-нибудь банкир или политик. Всего только – сказочник. По мнению иных башковитых, если ты ничего не умеешь делать, то непременно станешь писателем. А я к тому же страшный лентяй. – Сочинитель устало посмотрел на Бральвагу. – Только Вы, пожалуйста, никому не говорите, что я жив, – попросил он, – потому как я задумал исцелиться от окамененного бесчувствия с помощью таинства литературы. Но если вдруг что-то не получится, тогда я уйду из жизни, никого особенно не потревожив, ибо умирать дважды в России – дело накладное.

Так как речь зашла о деньгах, Бральвага оживился.

– О да, – сочувственно вздохнул он. – Что родиться, что умирать – в нашей стране одни убытки... да, тут я недавно с Шельмовским пересекся. Знаете Шельмовского? Это директор ООО «Вечность», серый кардинал ритуальных услуг Растяпина. Так вот, хороший гроб

у него весит тысячу баксов. А памятник, да? Дерьмо брать кому захочется? Мраморная крошка некачественная. Экономит Шельмовский. Шельма, да? – заразительно захохотал Бральвага. – По фамилии и житие. Ну ладно! О чем бишь я? Мраморная крошка – деньги на ветер. Самое выгодное вложение капитала – это гранит. Черный гранит, да? И кованные металлические розы. Строго и со вкусом, да? Эх, – вздохнул мечтательно Бральвага. – Если б Шпигель позволила мне прорекламить цеха Шельмовского, я бы... я бы такой куш урвал. В России хорошие деньги можно заработать на трех вещах – на рождении, на водке и на смерти. Эх!

– Я помогу вам, – неожиданно сказал сочинитель. – Вы заработаете деньги на смерти. Шпигель позволит вам прорекламить цеха Шельмовского. А если не позволит, то вы сами себе позволите эту невинную шалость. Ведь вы же коммерческий?

– Да, я коммерсант! – воскликнул с гордостью Бральвага. – Но надо мной стоит Шпигель. А с этой старой немкой каши не сварить. Повсюду ей мерещатся заговоры и обманы. Чтоб ей пусто было, этой гарпии, да? Однажды я хотел пустить предприятие Шельмовского бегущей строкой. Так нет, Нелли Николаевна заподозрила, что я решил заработать на «Вечности». – Бральвага лукаво взглянул на сочинителя. – Так вы правда обещаете? – спросил он.

– Правда.

– Хм, – нахмурился Илья Абрамович. – Сколько процентов от выручки я буду вам должен?

– Пустяки. Мой гонорар – это ваше согласие поучаствовать в магическом театре.

Бральвага недоверчиво покосился на сочинителя.

– Что это за магический театр? – быстро спросил он. – И почему я должен в нем участвовать?

– Вы – деловой человек, Бральвага, – ответил сочинитель. – Для вас это весьма выгодное предложение. Вам сколько лет? Тридцать семь? Критический возраст. Седина в бороду, бес в ребро. Чтобы избежать душевных потрясений, вам необходимо обновиться, сбросить с себя старую кожу. Не зря для поэтов сочетание «тройки» и «семерки» было роковым. Я помогу вам... если вы поможете мне и дадите согласие.

Бральвага впился в сочинителя цепким, как заноза, взглядом опытного торгаша.

– А что вы с этого будете иметь? – спросил он.

– Если все получится, я обрету весь мир и не потеряю при этом душу.

Сказочник повел большими глазами в сторону окна, за которым разливалось жаркое полуденное солнце, и тихо прибавил:

– Это случится в ночь полнолуния, когда со всех образов слетают маски. Мы увидим друг друга в истинном свете... Итак, вы согласны? – обратился он к гостю.

Бральвага задумался. По натуре он был авантюристом, то есть человеком, склонным к рискованным предприятиям, но рисковать он предпочитал оправданно – как карточный шулер, у которого в рукаве всегда припрятан козырной туз.

– Так вы обещаете мне рекламу ритуальных услуг? – снова спросил он, точно желая убедиться в серьезности намерений сочинителя.

– Обещаю, Бральвага, – устало ответил тот. – Кроме того, я обещаю, что ваша никогда не хворающая Шпигель после этого рекламного ролика сразу уйдет на больничный.

– Что? – радостно воскликнул Илья Абрамович. – Этого не может быть! Чтобы наша железная муттер Нелли и на больничный? Кажется, это не под силу даже дьволу. Уфф..! – Отер он со лба пот и впервые доверчиво посмотрел на сказочника. – Тогда я, конечно, согласен.

– Ну, вот и прекрасно, – вдохнул писатель.

– Мы будем подписывать контракт?

– Это лишнее.

Сочинитель поискал глазами пекинесика.

– Госпожа Янь! – крикнул он. – Проводите, пожалуйста, нашего первого гостя. Я слышу шелест крыльев второго героя, господина Курочкина.

Из пыльных солнечных лучей старого деревянного дома сплелась вдруг миниатюрная восточная дама и, поклонившись хозяину, с улыбкой взглянула на ошарашенного Бральвагу. От неожиданности Илья Абрамович вытянулся перед чудесным явлением красавицы – китаянки, как солдат на параде, втянул в себя круглый животик, отчего его покатые узкие плечи словно расправились, и, не сводя с нее изумленных глаз, пробормотал, забывая о всякой учтивости:

– Хороша... да? Очень хороша... Кстати, – сделал он шаг вперед. – Мы набираем новых телеведущих для работы в студии. Если желаете, могу замолвить словечко. А, впрочем, вы уже приняты. С такой фактурой, модой на восток. Изумительно. Bravo. – Илья Абрамович как бы невзначай приоткрыл барсетку, в которой как бы нечаянно сверкнула пачка долларов, и достал из нее свою визитку. – Если надумаете, милости прошу. Право же из вас можно сделать настоящую звезду растяпинского телевидения...

– Ну, будет вам, Бральвага, – прервал его сочинитель. – Дома вас ждет молодая жена, Наталья, которой вы совсем недавно нашептывали нечто похожее. Она поверила вам так же, как десять лет назад вам поверила другая женщина, Юлия, которая родила вам двух прекрасных детишек. Продолжать?

Илья Абрамович негодуя тряхнул головой.

– Некогда мне тут с вами лясы точить, – недовольно проговорил он и вышел из дачного домика.

Знойное марево окутало Бральвагу точно рой невидимых, но кусачих насекомых. «Дал же Бог утречко», – раздражено прошептал он, вглядываясь в едва заметную мутную полосу шоссе впереди, до которого ему предстояло героически прошлепать пешком два или три километра. Настроение у Ильи Абрамовича было скверное.

Проходя мимо соседнего домика, Бральвага увидел старика, который тарачил на него перепуганные глаза, шептал что-то беззубым ртом и крестился.

– Здорово, туземец! – крикнул ему Илья Абрамович, думая, что старику должно быть не меньше ста лет, и он либо выживший из ума пьяница, либо юродивый, один из тех деревенских дурачков, которых сердобольные соседи наивно почитают чуть ли не за блаженных. – С Троицей тебя, туземец! Христос воскрес! Свет от света, а тьма от тьмы, да? Ну, бывай, дед! Дорогу бы вам сюда пустить, да газ. Цивилизации не хватает. Чтоб фонари по ночам горели. Тогда и Богу сверху будет легче тебя разглядеть. Эх ты, туземец!

И Бральвага, довольный своим простецким обращением с народом, бодренько зашагал вперед.

Макар Иванович проводил его круглую прыгающую фигуру напуганным взглядом и вновь взялся частить себя крестом...

А, между тем, в домик страховского затворника уже стучался второй гость, который, как и первый, появился в Страхове неизвестно откуда – точно из воздуха, – но выглядел при этом совершенно плотским существом. Это был Иван Мефодьевич Курочкин, высокий вихрастый мужчина с неопрятной бородой медного цвета, с опухшим лицом и предательски подрагивающими руками, выдающими в нем натуру тонкую, истерическую и пьющую. Другими словами, этот человек был художник, в недалеком прошлом – подающий надежды растяпинский живописец, а теперь – трехгрошевый оформитель афиш в единственном городском кинотеатре «Мир», расположенном в центре Растяпина рядом с Успенским храмом.

4

В дверях нового гостя встретила улыбающаяся Госпожа Янь и молча проводила его в комнату, в которой в старом скрипучем кресле, покачиваясь, сидел сочинитель, успевший раскурить набитую ароматным табаком трубку. Нежно – голубой дым заиграл причудливыми узорами в косых тоннельчиках солнечных лучей. Курочкин вошел, прижимая к груди летнюю панаму, чтобы скрыть тремор рук, отчего стал похожим на большого дрессированного пуделя.

– Батюшки мои, – подался с кресла вперед сочинитель, чтобы стоя поприветствовать гостя, но тут же без сил опрокинулся назад, так как б; льшую часть энергии, отвоєванную у болезни таблетками, он уже потратил в первые часы сегодняшнего утра. – Батюшки мои, – повторил он. – Что с вами сделала жизнь, подумать только?! Ай-яй-яй! Ведь ваш образ, Иван Мефодьевич, я выписывал с особой тщательностью, полагая, что в будущем вас ждет слава и почет, каких не видывали Врубель и Левитан вместе взятые. Однако ж, что с вами сделали десять лет жизни! – Сказочник сокрушенно покачал головой и, заметив, что Курочкин весь сотрясается от похмелья, тут же шепнул преданной китаянке: – Уважаемая Госпожа Янь, принесите, пожалуйста, холодной водки и чего-нибудь закусить. Я выдернул бедолагу прямо из очереди за бочковым пивом. Он не успел привести свою душу и тело в более – менее устойчивое положение.

– Вы, пожалуйста, присаживайтесь, – ласково обратился к гостю хозяин. – Думаю, что Бог простит нам этот грех, тем более, что ваш алкоголизм, Иван Мефодьевич, особенный, русской природы. Я вижу, что пьете вы от грубости и несовершенства мира.

– Мира? – безучастно спросил художник.

– Я не имею в виду название кинотеатра, в котором вы работаете, хотя... – Сочинитель задумчиво улыбнулся. – Ваш кинотеатр, который, кстати, находится неподалеку от церкви, весьма оправдывает свое название.

Курочкин присел на краешек стула и слезящимися мутно – красными глазами смотрел прямо перед собой в одну точку. Кажется, будто даже полуобнаженная китайская дива, способная вдохновить на творчество и обольстить сотню утонченных художественных натур, не произвела на Курочкина никакого впечатления. В настоящие мгновения тяжелого похмелья он был глух и слеп к живописной силе могучего бога Эроса. Чтобы поднять градус его творческой активности хоть на какую-то высоту, нужен был иной градус – градус его величества Бахуса. И он нашелся благодаря волшебному перу сказочника. Когда Госпожа Янь, подобно паруснику, всплыла в комнату с подносом в руках, на котором знаменосно реяла запотевшая поллитровка «Растяпинской» в окружении закуски и стограммового граненого стаканчика, символа целой имперской мухинской рабоче – крестьянской эпохи, – глаза художника заблестели, и сам он точно ожил.

Дело в том, что сия живописная картинка, помимо предвкушения доброй и крепкой выпивки, вызвала в Курочкине волну приятнейших ностальгических воспоминаний. Ведь именно Иван Мефодьевич некогда по просьбе хозяина растяпинского вино – водочного комбината Баумана разработал лучший рекламный плакат его продукции, глядя на который даже у равнодушного к водке обывателя слюнки текли как у собачки Павлова. И было из-за чего! На развороте любимой местной газеты «Растяпинская правда» лежал огурец с помидором, лучок, краюха черного хлеба, а в центре этой композиции Эйфелевой башней вздымалась запотевшая бутылка «Растяпинской», которая точно подмигивала со своей недостижимой высоты всем прочим маленьким тварям, приглашая их насладиться, экая прелесть... И с какой недоброй иронией платит жизнь дивиденды за это произведение автору!

Курочкин спешно поблагодарил за угощение сочинителя и Госпожу Янь, наполнил дрожащими руками стограммовый стаканчик, выпил, крякнул от удовольствия, закусил половин-

кой помидора, после чего выдохнул часть своей душевной горечи и проговорил с тонким пониманием процесса:

– Дай Бог не последняя. В таких случаях наш профессор Рослик приговаривал так: «У нас запляшут лес и горы». Мр-р-р, хорошо!

Захрустел огурчик, пошел в ход и хлеб с лучком. Душа Курочкина постепенно устаканивалась. Захотелось поговорить. Но прежде он налил еще одну стопку и выпил.

– А я слышал, что вас будто похоронили где-то здесь на страховском кладбище, – заметил Курочкин, отчего-то расплываясь в блаженной улыбке. – А у вас тут, как я погляжу, рай. Настоящий мусульманский рай: красавица – наложница, холодная водка, природа, тишина. Что еще надо для счастья? Эдак и я тоже не отказался бы помереть. Прямо в рай, прямо в рай, – хихикнул он. – Только ножки подгибай.

Сочинитель скорчился от очередного приступа боли и незаметно для гостя сунул в рот обезболивающую пилюлю.

– Что для немца лекарство, для русского смерть, – едва слышно пробормотал он, запивая водой таблетку.

– Что вы сказали? – спросил ослотившийся Курочкин.

– Я говорю, что это далеко не мусульманский рай, как вы изволили заметить. – И чтобы не выдать гостю своего ужасного физического состояния, сочинитель пустился в подробности. – Пророк Мохаммед, когда был во сне вознесен в рай, выбрал из трех предложенных ему напитков молоко, отвергнув вино и воду. Поэтому мусульмане не пьют вина. А для православных, для которых царствие небесное сравнивается с добрым вином, мусульманская вера так и осталась молоком для грудного ребенка. Мелочи всегда подтверждают главное. Однако же я пригласил вас по делу.

– По какому же? – спросил Курочкин, поглядывая то на соблазнительную «Растяпинскую», то на изящную китайку, точно выбирая, какой из двух источников удовольствия предпочесть. Его взгляд остановился на водке.

– для начала расскажите мне, пожалуйста, вкратце, что с вами случилось? Почему после такого скандального взлета премьерного полотна «Самораспятие» вы куда-то исчезли, будто бы даже попали в какую-то эзотерическую восточную секту типа дзэн? Что произошло, Иван Мефодьевич? Ведь у вас душа православная. От того много страдаете и пьете.

Польщенный Курочкин улыбнулся.

– Время было такое, – отозвался он. – Перестройка, перестройка, кому – шик, кому – помойка. Живопись упала в цене. До лубочных Горбачевых и матрешек с физиономиями членов ЦК я не докатился. «Самораспятие» мое прогремело, однако его никто так и не купил. Стал промышлять по предприятиям. Где трафаретик сделаю на бочку с квасом, где газету поздравительную напишу. Денежный заказ подвернулся у Баумана, разработал для него три рекламных плаката. Кстати, не без моей помощи о растяпинской водке узнал весь мир, – с гордостью прибавил он. – Потом работал на телевидении, декорации в студии расписывал. Ну, а затем, – вздохнул он тяжело, – вышла гнусная история с директрисой, и я ушел в кинотеатр.

Курочкин вытер со лба пот панамой и снова уставился на початую бутылку водки.

– Вы допивайте, задумчиво проговорил сочинитель. – Мне пока нельзя. Принял ударную дозу химии, от которой голова кружится как от водки. Так что у вас произошло со Шпигель? – спросил он.

Курочкин выпил еще стопку и попросил разрешения закурить.

– Пожалуйста, прошу вас, – проговорил сочинитель, подвигая к гостю изящную бронзовую пепельницу в виде крылатого дракона.

– Некрасивая получилась история, – смущено ответил художник. – Влюбилась она в меня, эта фурия. Проходу не давала. Заказы денежные подкидывала. А чем взяла? До сих пор

не понимаю. Худая, длинная, как жердина, усы из-под носа торчат как кусты чертополоха. А нате вам – однажды добродетель моя дрогнула.

– Однажды? – улыбнулся сочинитель.

– Ну, не однажды, конечно, – рассмеялся Курочкин. – Только в самый пик нашей страсти она меня чуть под монастырь не подвела. Вы ж ведь знаете, кто у нее муж? Банкир.

– Как же она вас чуть под монастырь не подвела? – спросил заинтересованный сочинитель.

– Как? Пригласила она меня однажды написать с нее портрет обнаженной Данаи ...это с воблины-то такой..., к которой по легенде золотым дождем солнечного света проникает в спальню Зевс – любовник. Ну, привез я к ней домой софиты, установил мольберт, приготовил кисти. Она легла, разделась. И тут, как в анекдоте, ее муж! Можете себе представить, что было? Она в крик, бросается ему в ноги, на меня пальцем тычет. Это, говорит, он – негодяй – соблазнитель, а я, мол, невинная овца. Не знаю, поверил ей муж или, как всякий рогоносец, захотел обмануться на счет своей блудливой жены, но охранники его так меня в тот день отметелили, что я потом два месяца по больницам кочевал. С телевидения я, разумеется, ушел. Слава Богу, пристроился в кинотеатре. Боялись брать, зная мстительный характер Нелли Николаевны. Так-то...

Курочкин осклабился и повторил еще сто граммов. От жары он стал заметно хмелеть.

– Я и пью из-за этой курвы, – певуче – пьяным голосом сообщил он. – Если бы не она... я бы... я бы... Может быть, еще человеком стал. Она меня предала, чтоб ей пусто было... Наказали бы хоть вы ее. Ведь ваша власть-то не от мира сего, – подмигнул окончательно захмелевший художник. – Что вам стоит, господин сочинитель, превратить ее, например, в жабу? Или нет, не в жабу. В крольчиху или в поросенка, чтоб узнала и она, почем фунт лиха. Нет, лучше в змею! – воскликнул он. – В змеюку.

– Хорошо, – неожиданно спокойно согласился сочинитель. – Я что-нибудь для вас сделаю. Но только и вы должны мне помочь.

– Я? – растерянно заморгал художник, но тут же воскликнул радостно: – Всегда готов! Как пионер. Если дело благое, то я всегда – за!

– Послушайте, Иван Мефодьевич, я хочу создать магический театр, в котором вы и двое других героев должны будете сыграть в моем исцелении решающую роль. Один герой уже дал согласие. Теперь ваш черед. Скоро наступит ночь срывания всех масок, и каждый предстанет друг перед другом в истинном свете. Вас я уже вижу в образе ливанского юноши, который тридцать лет строил из знаменитого ливанского кедра замок для своей возлюбленной, и спустя тридцать лет невеста согласилась стать его женой перед Богом. Вы слышали эту легенду?

– Кажется, нет, – пробормотал Курочкин.

– Эта легенда древняя, – сказал сказочник. – Бедный талантливый ливанский художник влюбился в дочь богатого вельможи. Но когда он посватался, родители девушки заявили, что отдадут свою дочь замуж только тогда, когда жених построит для нее замок. Девушка любила художника и принялась ждать. Тридцать лет юноша сооружал из ливанского кедра замок, и когда построил его, то пришел к невесте просить руки. Родители ее давно умерли, сама она постарела, постарел и художник. Но любовь их была крепка, и когда невеста входила в замок, она прилюдно поклонилась терпению возлюбленного, так как вход во дворец был узок и мал. Художник ведь начинал свое творение тридцать лет назад, когда оба они были совсем еще юными. И я вижу, что в волшебную ночь, когда с героев спадают все маски, – продолжал сочинитель, – вы превратитесь в красивого ливанского юношу из легенды о замке из кедра. Так вы согласны?

– Да, – ответил размечтавшийся Курочкин. – Делайте со мной все, что хотите... – Он обвел мутным взглядом комнату сочинителя и вдруг совсем не по теме прибавил, вспомнив о своем неприятном хаме – соседе Перцеве, который в последние дни был особенно отвлрати-

телен и неукротим. – Вот если бы вы еще Ваську Перцева наказали, – пробормотал художник, смеживая сонные веки. – Этот хам надоел всему нашему дому... А ливанский юноша – это хорошо. Да, хорошо... Управы нет на этого Перцева...

Сочинитель улыбнулся, взял в руки волшебное гусиное перо и, окунув его в чернильницу, написал на листке бумаги: «В этот жаркий июньский полдень, когда православный народ возвращался из церкви, прославив Троицу, художник Курочкин направлялся на работу в кинотеатр с символическим названием „Мир“. Иван Мефодьевич был сильно пьян»...

Не успел он поставить в конце предложения многоточие, как художник таинственным образом исчез, так и не допив до конца столь желанный Курочкиным и подобным ему слабохарактерным, легко ранимым существам, напиток. Впрочем, в бутылке оставалась лишь капля «Растяпинской».

Госпожа Янь принялась убирать со стола остатки угощения, а в это время к дому уже приближался третий герой – стройный, подтянутый, крепкий молодой человек с узкой талией и широкими плечами. Он был одет в щегольской белый костюм, от которого исходил аромат дорогого французского одеколона; глаза его были прикрыты темными очками; рельефные мускулы угадывались под тонкой материей модного пиджака. С первого взгляда на него было понятно, что мужчина этот весьма уверен в себе, в своих физических и нравственных силах, и что за его плечами уже есть богатое событиями прошлое, которое людей слабодушных может и возвысить в своих глазах или раздавить.

Это был Олег Бойцов, в прошлом – известный растяпинский спортсмен, отсидевший пять лет за рэкет и хранение наркотиков, а ныне – не менее известный в Растяпине христианский миссионер и ведущий популярного среди молодежи ток – шоу о пагубном влиянии алкоголя и наркотиков.

5

Сочинитель не мог не улыбнуться, увидев, как вошедший в комнату Олег снял очки и галантно раскланялся с китайкой, а затем в приветственном жесте протянул свою крепкую сухую ладонь сказочнику.

– Рад, рад приветствовать тебя, Олег, – ответил автор, вспоминая, в каком отчаянном положении он оставил своего героя несколько лет назад, бросив его магией слова в самую сердцевину постперестроечного ада – в сложное переплетение обстоятельств: в грех, болезнь, преступления, в тюрьму, – дав ему только надежду на исцеление животворящим словом христианского благовестия. И, как теперь видел сочинитель, Бойцов воспользовался спасительной нитью и выкарабкался из той зловонной ямы, которая погребла под собою миллионы юных человеческих душ. Имя той ямы была «наркомания».

– Взаимно, – ответил Бойцов, присаживаясь на стул и поглядывая на пустые упаковки из-под лекарств, лежавшие в бронзовой пепельнице. – До меня дошли нелепые слухи о вашей смерти, – сказал Олег. – Но я не поверил им, зная ваш волевой характер. Вы будете биться за жизнь до последнего, не так ли? Тело победить можно, дух – никогда. На улыбающееся лицо никогда не опустится кулак. Так говорили шаолиньские монахи, а они не были глупцами. На вашем лице я вижу улыбку. Не истерический смех и не слезы, а улыбку спокойной радости. На такую улыбку не посмеет опуститься кулак смерти. Поверьте.

Сочинитель улыбнулся шире, отметив про себя миссионерский дар бывшего наркомана Бойцова и не упустив из виду также и то, что Олег немного рисовался этим даром, словно подчеркивая устойчивое положение своей победы над прошлым, которое, как известно, умеет ждать своего часа. Ибо устойчивое положение победы над своей страстью – это уже путь к святости.

«Пожалуй, я знаю, с чего начну», – решил сказочник, задумчиво поглядывая на гостя. – «Нужно аккуратно сбить спесь с этого благородного воина эпохи римского владычества над Иудеей и дать ему возможность споткнуться на ровном месте, чтобы в следующий раз он не упал на тяжелом подъеме».

– Олег, я позвал тебя для того, чтобы обратиться за помощью.

– Ко мне? И за помощью? Что ж, я сделаю все, что смогу. Вы же знаете, господин сочинитель, что ради вас я готов сразиться с самим чертом.

«Именно это я и хочу попросить», – подумал сказочник, а вслух заметил:

– Ты достаточно повоевал с собственной тенью, Олег. Теперь мне хотелось бы, чтобы ты поборолся с чужой. Я собираюсь создать магический театр, в котором тебе отведена трудная роль воина, не побоявшегося сразиться с драконом. Сможешь ли ты, Олег, не удивляться и не роптать на судьбу, если она у тебя отнимет то, что ты с таким трудом заработал, но сделает это только для того, чтобы потом еще больше тебе дать?

– Смогу. Потому как на земле нет ничего нашего. Все – от Бога.

Олег немного подумал, затем прибавил:

– Конечно, я не Иов – праведник и вряд ли смогу, сидя на навозной куче и стирая с себя гноище, воздавать хвалу Господу. И святой Георгий – Победоносец находится на недосягаемой от меня высоте, но говорят, что господь целует даже наши намерения, и в этом смысле вы можете на меня положиться.

– Что ж, спасибо за откровенность, Олег. Думаю, что в ночь, когда с образов сойдут все маски, ты мало изменишься, Олег Бойцов. Ибо в тебе живет дух воина.

Олег привстал и галантно поклонился. В это мгновение раздался телефонный звонок, и Бойцов вытащил из кармана серебристую складную мыльницу сотового.

– Прошу прощения, – извинился он перед сказочником и Госпожой Янь и поднес трубку к уху. – Да, я слушаю, – проговорил он. – Нет, Нелли Николаевна, все в порядке. Следующая программа состоится по графику. Кто будет из бывших наркоманов? Я думаю навестить реабилитантов из Троицкого скита... да, в котором я год отбывал послушание... Да, посмотрю, поговорю. Да, знаю, что банкир Золин и ваш супруг Сергей Иванович оплатили телемаратон «Против СПИДа». Все организую как надо. Да. С праздником вас. С каким? Как же? Сегодня Троица. Что? Березовые веники. Хм... Да, в народе такое поверье. После Троицы можно ломать. Но Троица – это другое. Ага... Ну, всего доброго. До свидания.

Олег на мгновение задумался, захлопнул крышку телефона, опустил его в карман и проговорил, смущенно улыбаясь:

– У Шпигель только одна ассоциация с Троицей: по народному поверью, с берез можно срезать ветки для банного веника. Да... Так чем я могу вам помочь? – спросил он.

– Ничему не удивляйся и не хули Творца.

– И все?

– Этого уже немало... Госпожа Янь, – обратился сочинитель к застывшей в почтительном ожидании китайской красавице. – Принесите, пожалуйста, бутылку минеральной воды, она стоит в холодильнике. «Ессентуки» под номером тринадцать. На дорожку нашему гостю хочется немного освежиться.

Госпожа Янь покорно исполнила волю хозяина. Бойцов с улыбкой смотрел на ее гибкий стан.

– Голову даю на отсечение, что эта красавица много лет занималась китайской гимнастикой «ушу», – произнес он со знанием дела. Олег принял из рук китайки бокал с прохладной минеральной водой и выпил ее залпом, так и не разобрав вкуса. – Немного серой отдает, – поморщился он. – А так, в целом, ничего. Чувствуется, что лечебная. Какой вы говорите номер? Тринадцатый? Никогда раньше не слышал.

Бойцов снова галантно раскланялся с сочинителем и Госпожой Янь, пожелал сказочнику не падать духом, напомнив, что дух победить нельзя, и вышел на улицу, преисполненный радости от крепкого тренированного тела.

А сочинитель, между тем, уже выводил гусиным пером волшебные строки...

Не успел Бойцов пройти мимо дома Макара Ивановича, как «лечебные» Ессентуки начали действовать: в животе у боксера вдруг заурчало, вспенилось, щупальца боли сцепили кишечник. Кажется, еще мгновение – и белоснежный итальянский костюм Бойцова, в котором он выступал на телевидении, был бы подпорчен самым подлым образом. Нельзя было медлить ни секунды. Бойцов быстро осмотрелся – никого поблизости не было, старик находился в доме, – и, не долго думая, ловко перескочил через деревянный забор Чуркина и сиганул в ближайшие кусты лопуха. Там он ненадолго притаился, как партизан, и вскоре с облегчением поднялся, застегивая ремешок на штанах. И вдруг увидел на огороде среди капусты и кабачков три огромных разлапистых куста кроваво – красного махрового мака, – явление немислимое по нынешним временам! Олег смотрел на кусты с удивлением и не шевелился, точно взгляд его был примагничен чудесной картинкой. «Откуда они могли тут взяться?» – подумал он с ностальгической грустью разглядывая гонимую ныне опиумосодержащую культуру. – «В наше-то время и такие соблазнительные головки величиною с кулак?!»

Да, в самом деле, уважаемый читатель, по нынешним временам было довольно рискованно иметь в огороде такие роскошные цветочки. Помимо угрозы набега наркоманов – сезонников можно было схлопотать и от милиционера. Любой излишне ретивый участковый инспектор в погоне за улучшением показателей в работе – «палки» – мог составить на восьмидесятилетнего Кулугура, и слыхом не слышавшего о пагубных свойствах мака, протокол административного правонарушения, а при желании возбудить уголовное дело по статье о незаконном выращивании (а, стало быть, и хранении) культур, содержащих активные наркотические

вещества, в данном случае – опиум, причем – в особо крупных размерах. Во как! И поди потом докажи в суде, что в старые времена жена Макара Ивановича Глафира выпекала в домашней печи посыпанные этим маком удивительно ароматные и вкусные булочки. Что во всех деревнях округи в праздник первого Спаса православные не забывали поминать семь ветхозаветных мучеников Маккавеев, говоря: «Маккавей – мак вей». Что в этот день в церквях всегда освящали мак, который потом в головках хранили за иконами в течение года. Что на маковом молочке готовили постные соковые каши, а в Сочельник непременно вкушали маковое сочиво, что в молочко это обмакивали блины и калачи и называли это блюдо «макальником». Докажи потом маловеерам, что в деревне Страхово, в этой, как сейчас бы выразился какой-нибудь острослов – журналист Печёнкин, «обители зла» испокон веку маковые зерна хранились в чулане рядом с чесноком, который, по мнению старух – знахарок, имеет свойство отгонять от дома злых духов, и давали пить из них отвар младенчикам, когда у тех болели животики или резались зубки. Что мак помогал старикам бороться с бессонницей, а женщинам легче переносить лунные циклы. Что роженицам ложками скармливали жареные маковые зерна, так как считалось (и не безосновательно), что в них содержится уйма полезных веществ, включая столь нужные для рожениц железо и магний. Наконец, объясни потом блюстителям нравственности то, что три кустика мака на огороде Чуркина выросли сами собой или, как говаривала супруга – покойница Глафира: «Ветром надуло». Докажи крючкотворам – законникам, что восьмидесятилетний старик Чуркин и не ведал того, что сей симпатичный цветок – однолеток на самом деле является символом мирового зла, ВРАЖИНОЙ, которого нужно уничтожать в зародыше, сатанинским отродьем, пленившим полмира.

Однако, оставим это славословие маковому кусту и забудем о всех вышеперечисленных свойствах маковых зернышек, ибо то, что случилось с Бойцовым по дороге домой, в автобусе, разом перечеркнуло вековой опыт знахарского искусства. Дело в том, что новоиспеченный христианский миссионер пал и случилось это после того, как он вступил в диалог со своими помыслами. А ведь еще древний аскет Иоанн Лествичник, а позже Игнатий Брянчанинов и Феофан Затворник предупреждали новоначальных об этой опасности, говоря, что любопытство может превратиться в грехопадение, если вовремя не закрыть клеть души.

Итак, чей-то вкрадчивый голос прошептал Бойцову, когда он сел в автобус, направлявшийся из Страхово в Растяпин: «Послушай, брат, чего ты так испугался? Тебе нужно вернуться в деревню и срезать мак. А то, не дай Боже, забредет в Страхово кто-нибудь из неопытных реабилитантов Троицкого скита, увидит эти три кустика и – о Боже! – возгорится желанием и совершит грех. Год послушания – коту под хвост! Ты не должен допустить этого, ты, человек волевой, решительный, с богатым прошлым. Упади сам для того, чтобы не дать упасть другому. Соверши подвиг самопожертвования. Избавь Троицкий скит от соблазна».

Увы, Олег недолго боролся с этим вкрадчивым голосом и, собственно, уступил ему еще до того, как тот стал приводить высокопарные аргументы.

Выйдя в Растяпине на рыночной площади, Бойцов направился к благочинному, отцу Николаю, для того, чтобы подстраховаться какой-нибудь правдоподобной легендой для вечерней вылазки за маком. Повод явился сам собой: для того, чтобы убедительнее выступить на очередном ток – шоу, необходимо было съездить в реабилитационный центр Троицкого скита, поговорить с бывшими наркоманами, монахами, с отцом Ферапонтом, который в скиту считался главной фигурой.

Отец Николай Груздев как раз выходил из храма после праздничной службы, когда к нему подошел Бойцов просить благословения на поездку. Идея Бойцова понравилась благочинному. Без задней мысли он благословил его, даже сунул ему пятьсот рублей «командировочных», однако попросил при этом попутно исполнить чрезвычайно деликатное поручение. А именно – присмотреться к иеромонаху Ферапонту, о котором в последнее время в Растяпине ходили различные, в том числе весьма настораживающие слухи. К примеру, суровый монах недавно

будто бы понудил кого-то из смиренных посетителей скита выбросить из квартиры телевизор, заявив, что «сие скопище бесов есть главный враг в добродетельной жизни семьи». Поговаривали, что, когда брошенный в костер новейший японский телеприемник начал чихать, хрипеть и разрываться, то стоящий поблизости отец Ферапонт со сладострастной улыбкой изрек, указуя на обуглившийся остов: «Видите, с какой злобой враги человеческие покидают свое жилище. Да будет так с каждым из них!» Ходили также слухи о том, что отец Ферапонт отказался освящать квартиру одних уважаемых растяпинцев будто бы только из-за того, что пол у них был выложен стык в стык дорогими плитами с подогревом, так что соединения образовывали кресты (что, однако, по государственному стандарту, ибо кто ж будет делать круглые плиты?). «Топтать святой христианский символ негоже!» – заявил отец Ферапонт, забыв прибавить, что при желании крестики можно сыскать на любом настиле, паласе, ковре и т. д. Так и пришлось доверчивым растяпинцам вскрывать пол, убирать плиты и настилать обычным листом спрессованных опилок. Ну, а диковинные плиты с подогревом, к слову сказать, отдали отцу Ферапонту, чтобы он пристроил их по своему усмотрению. Куда и как он их пристроил, молва умалчивала, однако вскоре в одной из растяпинских церквей появился новый пол с подогревом, выполненный из квадратных плит, образующих на стыке главный христианский символ – крест.

Да, дорогой читатель, личность иеромонаха Ферапонта была легендарной в Растяпинском благочинии. Значился за его героической персоной характерный случай, о котором было известно только в тесном кругу церковного причта. Пришла к нему однажды на исповедь староста одного из молитвенных домов Растяпина Галина, женщина добродетельная, строгих нравов, несчастная в семейной жизни, и спросила совета, как ей эту семейную жизнь поправить? Просверлив ее насквозь суровым взглядом, обличитель – монах приказал: «Немедленно убери от себя лысого Володьку». И ехидно прибавил: «Есть ведь такой?» Убитая горем Галина отправилась домой, гадая, кого же имел в виду прозорливый монах: ее ли лысеющего супруга, которого звали Владимиром Осиповичем, или каменного Владимира Ильича, стоявшего на школьном дворике напротив церкви, в которой она работала. Но так и не решилась перепуганная советом иеромонаха раба Божия Галина «убрать от себя» ни того, ни другого лысого Володьку. И неприятности в супружеской жизни, увы, продолжились.

Вот такие анекдоты слагались о «могучем старце Ферапонте», старожиле Троицкого скита, слухи о незаурядных способностях которого выходили далеко за пределы Нижегородской губернии.

Итак, обсудив с благочинным детали своей спецкомандировки, Бойцов отправился домой собираться в дорогу. Его жена Ольга кормила грудью семимесячного Егорку, когда Олег сообщил ей о своем внезапном отъезде.

– Сколько тебя не будет? – спросила она. – Как же твоя завтрашняя тренировка? Детишки?

– Успею, – ответил Олег, нежно обнимая жену и сына. – В крайнем случае позвоню Иванычу. Попрошу, чтобы он моих балбесов со взрослой группой потренировал. Им будет полезно.

– Олеженька, у нас деньги кончились, – пожаловалась супруга. – Занял бы у кого?

– Погоди. Приеду из скита, подойду к благочинному. Может быть, пожертвует в честь будущих заслуг. Никак не могу привыкнуть к церковному порядку спрашивать деньги. Не хорошо это. Унизительно. – Он вздохнул. – Странное дело, когда я не знал, что такое совесть, денег у меня было полно. Люди сами несли. Боялись. А теперь я хожу и клянчу копейки у благочинного. Неохотно прикармливает церковь блудных сыновей. Много денег уходит на проплату телеэфира. На зарплату ведущего остается шиш да маленько... Возьми пока на хлеб и молоко, – сказал Бойцов, протягивая жене пятисотенную купюру. – Знаю, что сейчас это не деньги. Потерпи немного. Все наладится с Божией помощью. А если не наладится, –

сурово нахмурился он, – тоя сам налажу. С Божьей, конечно, помощью. На улыбающееся лицо никогда не опустится кулак, – задумчиво проговорил он. – Дух можно извести только нищетой. Что не сумеет сделать камень, то сумеет гнилая вода.

Ольга тяжело вздохнула и улыбнулась.

– Позвоню маме сегодня. Она пенсию получила. Может быть, даст хоть тысячу пока. Егорке нужно питательную смесь покупать, новые подгузнички... Ох, Олежа, какое-то у меня дурное предчувствие. Не ехал бы ты куда сегодня, – умоляюще взглянула она на мужа. – Какой-то холодок в груди. Как раньше.

– Глупости, – ответил Олег. – Что было раньше, уже никогда не будет.

...Поздно вечером, когда туманная мгла мягко опустилась на мохнатое цветущее левобережье Волги, Бойцов подъезжал на последнем автобусе к деревне Страхово. Был он одет в черную водолазку, скрывшую паутинку лагерных татуировок на шее и локтях, и в черные спортивные штаны – чтобы в темноте быть как можно менее заметным. Через плечо была перекинута брезентовая сумочка, в которой находились предметы первой необходимости наркомана, выехавшего «на пленэр», то есть на летний садово – огородный промысел: пачка бритвенных лезвий, комок ваты, таблетки сухого спирта, одеколон, бутылка с водой, половник, ножницы, зажигалка и одноразовый шприц. На всякий случай Бойцов прихватил с собой удостоверение мастера спорта по боксу и пропуск на телевидение, – других приличных документов у него пока не было. Олег был человеком предусмотрительным и знал о том, что случайная проверка документов каким-нибудь скучающим постовым милиционером может обернуться для дважды судимого Бойцова крупной неприятностью, особенно если милиционер спровоцирует драку.

6

Сделав большой круг по лесу, Бойцов, хорошо ориентирующийся в этой местности и знающий каждую мелкую тропку, вышел на окраину деревни со стороны так называемых задов. В лесу с ним произошёл казус, который несколько взбудрил молодого человека, заставил упругое сердце биться чаще, обострил все органы чувств. В густых лесных зарослях тропинки были почти не видны, и Олег пробирался к деревне, можно сказать, на ощупь. Неожиданно от него шарахнулось какое-то крупное существо – не то человек, не то зверь, – и, с треском ломая заросли березового молодняка, ринулось в сторону ситниковых болот. Волки в этих краях не водились, медведи тоже. Возможно, это был дикий кабан, решивший полакомиться груздями неподалеку от человеческого жилья. Но кем бы ни было это существо, оно звериным чутьем почуяло в ночном госте леса угрозу и бродившую по его жилам стихию хищника, и предпочло ретироваться к болотам. Хотя Бойцов и не испугался, однако его обдало жаром от столкновения с неизвестным существом, и к огородику соседа сказочника он подходил уже с обостренными чувствами. Слух, зрение, обоняние сделались на порядок тоньше. Он отчетливо различал сладковатый запах багульника с болот, слышал малейшие всполохи леса, издали увидел в домике сказочника слабый мерцающий свет лампадки. В лунном свете кустики мака казались щупальцами уснувшего дракона. Резким движением крепкой руки Бойцов вырвал из расшатанной штакетницы Кулугура одну из досок, скользнул в образовавшийся в заборе проем и замер.

Было тихо. Только из приоткрытого окна дачи сочинителя раздавался болезненно – слабый голос хозяина. Олег достал вату и лезвие и стал аккуратно собирать с кустиков млечный сок. Молочко брызгало из свежее – срезанных головок точно кровь живого существа и густо пахло. «Это благодаря полнолунию», – подумал Бойцов, испытывая радостный холодок в груди. – «Луна вытягивает из корешков все соки и бросает в головы... Мда, знали бы вы, господин сочинитель, какого дракона я сейчас обезглавливаю, – криво усмехнулся Олег, потихоньку пропитывая ватку опиумом. – Наверное, не обратились бы ко мне за помощью. А, впрочем, не бывает грехов непростительных. Бывают только нераскайные. А я покаюсь, – убаюкивал свою совесть Бойцов. – Завтра или послезавтра пойду на исповедь».

Зашумел ветерок, и до Олега донеслась речь сказочника, который, очевидно, разговаривал с китайкой. Прислушавшись, Бойцов отчетливо различил следующие фразы, показавшиеся ему каким-то мефистофельским плачем по Растяпину.

– Да, моя милая Госпожа, – печально говорил сочинитель. – Измельчали нынче люди, измельчал и бес. Сериальным и пошлым стал тот, кто некогда побуждал людей на безумные поступки. Все сузилось в человеке до величины звонкой монеты. Теперь юноши идут покорять возлюбленных не с помощью благородного рыцарства, а с помощью денег. Росинант давно уступил место кадилаку, а шпагу и меч легко заменил бумажник. Всё, всё измельчало в людях, даже страсть. Только страсть к деньгам выросла до величайших размеров и отравила все остальные страсти. Хорошую дорогу люди выстелили для злого гения. Когда он восстанет, они сами побегут за ним в ад, потому как не останется на земле ни одного своенравного, который не побоялся бы пойти против толпы. Да, моя китайская красавица, толпа безлика и страшна. Сколько истинных талантов были затоптаны ее башмаками. Толпа боится и ненавидит гения и делает все для того, чтобы обратить его в человека толпы. Как только гений смирится с этим, он становится одним из многих, но перестает быть самим собой. У своенравных один путь – отдать жизнь за право остаться индивидуальностью.

– Но больше всего печалюсь я о провинции, – продолжал сочинитель грустным голосом. – Бедный мой Растяпин! В кого превратился ты за последние несколько лет? Ты обратил взор на столицу и потерял целомудрие провинции. Ты захотел стать зажиточным городом, а стал

бездушным тельцом на заклятие. Ты решил устроить новый торговый порядок, чтобы не осрамиться перед Колосом Родосским – Нижним Новгородом, а потерял уклад, которым держался твой православный люд веками. Евангелие ты заменил торговыми отношениями, и даже церковь украсила себя ценниками и ярлыками. Ты не боишься Бога, бедный Растяпин, бойсясь хоть дьявола...

Больше Олег ничего не услышал из «плача Мефистофеля по Растяпину», так как в домике Кулугура раздался сильный старческий кашель, затем зажегся свет, и Бойцов спешно покинул место «сражения с драконом».

В лесу возле болот он нашел освещенную лунным светом мшистую поляну, запалил там таблетку сухого спирта, приготовил опиумный раствор, укололся и вскоре погрузился в наркотический сон. Бог Морфей принял Олега ласково, как своего старого знакомого, уютно расположился в каждой клеточке уставшего тела и стал плести замысловатую паутинку сна. Бойцову привиделось, будто Господь принял его покаянную молитву и превратил в воина из эпохи римского владычества над Иудеей. Что поначалу он, подобно Савлу, гнал безропотных христиан, понуждая их поклониться Цезарю, публично казнил их, но однажды получил знак откровения и сам вскоре принял мученическую кончину. Ангел Света трижды являлся Бойцову во сне, и все три раза обликом своим он походил на сказочника. Все три раза тот ему что-то говорил, и Олег никак не мог разобрать что, а под конец услышал от него мольбу о помощи. Это от ангела-то света! Иными словами бог Морфей плел и плел паутинку сна, а впоследствии оказалось, что в центре этой паутинки уже сидит в ожидании новой аппетитной жертвы огромный мохнатый паук.

Мягкий и нежный, как женщина, рассвет ласково пробудил Бойцова, лизнув его густым туманом по колючей щеке. Узкие, точно иглы, зрачки его стальных глаз хранили остатки наркотического опьянения. Выспавшийся на свежем воздухе боксер был бодр, хотя и выглядел из-за небритости и налипших на черную водолазку травинков несколько неряшливо. Заметив крохотного паучка на рукаве, который, очевидно, решил, что ночью изловил на болотах весьма крупного зверя и уже приготовился запеленать его в свою шелковую бечевку, Бойцов рассмеялся и осторожно перенес непутевого капельного хищника на траву. Потом поднялся и пошел в скит.

По причине большого религиозного праздника, которого с особенным трепетом каждый год ждут послушники и монахи Троицкого мужского монастыря – Троицу и Духов День, – в скиту никто не работал. Бывшие наркоманы – реабилитанты, которые еще не свыклись со скитским послушанием, более строгим, чем даже монастырское, по причине сурового поста и круглосуточного чтения Псалтири, травили себя табачком, без благословения, разумеется, отца Ферапонта, в вынесенной за территорию скита беседке. Тут же неподалеку на лесной опушке находился свинарник, принадлежащий подсобному хозяйству монастыря. Именно в нем, как блудный сын из евангельской притчи, Олег Бойцов отбывал после лагеря свое послушание: кормил скотинку, выпасывал, убирал отходы, а когда наступало время «Х» – закалывал, обжигал туши паяльной лампой, разделявал и отправлял мясо в монастырь.

В небольшой деревянной церкви, которую монахам подарил банкир Золин, шла торжественная служба в честь величайшего события – на пятидесятый день от Пасхи на учеников Христа сошел Дух Святой и так их преобразил, что людям со стороны, лишенным духовного зрения, показалось, будто апостольские мужи напились сладкого, то есть крепленого вина. Пятидесятница или Троица была для монастыря особым праздником, так как сама обитель некогда основалась в его честь; и некоторые послушники и монахи, приближенные к отцу Ферапонту, считали, что именно в этот день скитники должны получить с небес некие откровения, в частности по поводу появления на земле антихриста. Сам отец Ферапонт был убежден в том, что злой гений родится непременно в российской глубинке и постоянно внушал эту

мысль менее опытной братии, ссылаясь на авторитет святителя Игнатия Брянчанинова, который будто бы еще два века назад это предсказал. Отец Ферапонт (а в миру – Гоша Картавый, в прошлом личность весьма темная, сколотивший состояние на торговле австралийской говядиной, которая на поверку оказалась мясом кенгуру, и спустивший свои миллионы в одном из игорных заведений Монте-Карло) вид имел грозный и устрашающий. Сухопарый, высокий как баскетболист, бледный, с черными, как смоль, волосами; с густыми бровями, сливающимися на переносице; с застывшим вихрем спутанной бороды и горящими ненавистью ко всему грешному миру глазами, разговаривал с мирянами так, будто каждого из них золотом одаривал. Скажет слово, поглядит на человечка свысока – и тому уж неловко становится в присутствии эдакой духовной громадины. А у некоторых слабодушных мирян даже коленки начинали подгибаться, словно сами собой, и в животе неприятно урчало, когда на них кидал свой испепеляющий взгляд Слуга Божий (с греч. Ферапонт озн. «божий слуга»). Некоторые из них, как под гипнозом, падали ниц и пытались облобызать ноги великого молитвенника и постника. Когда Бойцов отбывал в скиту послушание, отец Ферапонт еще не был таким громоглаголем. Бывал он, конечно, как и все люди, и раздражителен, и гневлив, и чертей уж тогда зрил духовными очами, однако ж в крайностях своих был умерен, попусту никого не обижал и с монастырской братией вел себя не так уж заносчиво. Да и было бы кому возноситься! Ведь в монастыре почти все знали о его далеко не праведном прошлом; поговаривали даже, что за торговлю кенгурятиной он чуть было не угодил под суд и откупился от правосудия деньгами. Перерождение отца Ферапонта в духоносного старца произошло весьма неожиданно и у всех на глазах. Приехал к нему однажды какой-то богатенький господин из Тамбова, очевидно знакомый Ферапонта по его прежней жизни, в малиновом пиджаке, с золотой цепью до пупа, у которого, кажется, было все, кроме способности по ночам любить жену, красавицу – фотомоделю. И попросил он своего чудом преобразившегося друга Гошу Картавого помочь ему молитвенным словом обрести потерянную мужскую силу. Свою просьбу малиновый пиджачок подкрепил увесистым кожаным кейсом, набитым американскими долларами. Деньги отец Ферапонт с высокомерным презрением принял, потом проводил гостя в свою душную келью, велел толстосуму раздеться до нижнего белья (якобы весь костюм его был усеян маленькими бесятами) и принялся воспаленным голосом читать над взмокшим от пота бедолагой молитвы из чина изгнания злых духов старинного украинского митрополита Петра Могилы. Когда гость, дошедший до полубморочного состояния от непривычной коленапоклоненной позы, от жары и нехватки кислорода, наконец взвыл, Ферапонт очевидно решил, что из него полезли бесы. Сорвав с себя увесистый наперсный крест, он принялся охаживать им очумевшего гостя, как веником в бане, по пухлой филейной части сибаритского тела. Чуть позже молодые монахи рассказывали, что своими глазами видели, как из кельи отца Ферапонта выскочил огромный, розовый, как свинья, бес и бросился прочь от сурового обличителя темной силы. Поговаривали, что сначала бес устремился к своей родной обители, то есть к свинарнику, желая, очевидно, вселиться в шкуру нечистоплотного животного; затем сломал изгородь в заборе и устремился в лес, к стоявшей недалеко от скита дорогой иномарке, которая увезла его на всех парах в неизвестном направлении. Об этом происшествии потом в скиту рассказывали трепетным шепотом, благоговейно поглядывая в сторону эпической фигуры иеромонаха и вспоминая, к случаю, евангельское событие вселения бесов в стадо свиней, и то, как с разрешения Архипастыря Иисуса Христа стадо это бросилось с высокой скалы в море и погибло в пучине вод.

После случая изгнания бесов из тамбовского толстосума сначала по монастырю, а затем и по всей нижегородской губернии поползли слухи о том, что в Троицком скиту появился старец феноменальной духовной силы, изгоняющий бесов и обладающий даром пророчества. С той поры и сам отец Ферапонт чудесным образом начал преображаться: стал загадочнее, суровее и даже как будто чуть выше ростом.

Появление в скиту бывшего реабилитанта Бойцова, кажется, не вызвало ни у кого особого интереса. Олег вел себя уверенно, непринужденно, в соответствии с принятыми уставом скита правилами приличия. Прежде всего он встал напротив храма, поклонился до земли и, перекрестившись, поднялся по деревянным ступенькам в тесный притвор.

Пахнуло запахом ладана, растопленного воска и разгоряченных человеческих тел. В правом углу притвора, за столиком, заваленным помимо свечей различными иконками, ладанками, крестиками, цепочками и прочей мелкой церковной утварью, сидела рябая дебелая вдовица Фотиния, которой отец Ферапонт доверял небольшие торговые операции. Доверял, между прочим, и опеку над большой медной кружкой, запечатанной свинцовыми пломбами. Фотиния крайне ревностно исполняла все послушания, потому как в своем духовном наставнике видела настоящего воина Христова и была предана ему как собачка любимому хозяину. На остальных же людей, будь то мирянин, монах или священник, она смотрела с недоверием. Ее нелюбовь ко всему роду человеческому, исключая, конечно отца Ферапонта, подогревалась не только страстными проповедями последнего, в которых тот яростно осуждал все мирское. Произошел несколько лет назад в скиту пресквернейший случай. Была обворована церковная кружка с пожертвованиями. Вероятно, кто-то из бывших наркоманов залез ночью в церковь, и, пока Фотиния спала в притворе за перегородкой, вытряс из медной посуды добрую половину червонцев и пятаков. Боясь гнева отца Ферапонта, она ходила за ним по пятам несколько дней, испрашивая прощение, а когда суровый монах прикрикнул на нее однажды в церкви при всех, вдовица вдруг закатила глаза, залаяла, как собака, захрипела и стала кататься по полу, пока ее, наконец, не привели в чувство пощечинами и святой водой и не выпроводили под руки из церкви. «Кликуша, – обронил кто-то из монахов. – Очнется, сама укажет на вора». А вскоре из скита загадочным образом исчез один из реабилитантов, некто Сорин из Москвы, и иеромонах Ферапонт тут же объявил, что в тонком прозорливом сне видел, как бес с лицом Сорина убегал в сторону ситниковских болот, хватался за голову, пищал, корчился от боли, потому как голова его была усыпана горящими угольями стыда. Авторитет Ферапонта после этого происшествия укрепился, а преданность дебелой Фотинии к духовному наставнику выросла до фантастических размеров. Скажи он ей: «Отрекись от Христа и пойдешь за мной», – побежит как дворняжка. Прикажи он ей разделаться с грешником во имя грядущей славы на небесах – убьет, не моргнув глазом.

Подойдя к торговому столику, Бойцов поздравил Фотинию с праздником.

– Поклажу-то брось, – пробурчала вдовица, недовольно поглядывая на брезентовую сумку вошедшего. – Чай, не в магазин пришел, а в церкву. Много вас таких ходят, – раздраженно прибавила она, – а потом деньги из кружки пропадают.

Бойцов снял с плеча сумку, покопался в карманах и вытащил пригоршню мелочи.

– Тетя Фотиния, поставьте свечу за здоровье раба Божия Олега, – попросил он, кладя деньги на стол.

Услышав свое имя, вдовица еще недоверчивее взглянула на гостя.

– Чи, от пьянства иль наркомании? – спросила она и, пошарив руками среди бумажных иконок, извлекла календарик с изображением Богородичной иконы «Неупиваемая Чаша». – На вот, держи, – небрежно сказала она. – Молись только Ей. Исцелит «Неупиваемая Чаша» от любого недуга. Чи, у тебя грехов много? – настороженно посмотрела на Бойцова Фотиния. – Чтой-то лицо твое мне как будто знакомо. Ты, чай, у нас спасался?

– Спасался, – улыбнулся Бойцов. – да не до конца спасся.

– У, ирод, лыбится еще, – взялась чихвостить Бойцова рябая вдова. – Хватайся за мизинчик, за ноготок старца нашего. Вытянет, ежели спастись хочешь. А не хочешь, вот тебе Бог, а вот порог. Погибай во смраде греховнем... Много вас тут шляется, – повторила она с раздражением, – а потом деньги из кружки пропадают.

– Тетя Света, – не выдержал Бойцов. – Вы меня, наверное, за кого-то другого приняли. Вспоминайте! Бойцов я, Олег. Из Растяпина. Целый год за монастырскими свиньями ухаживал.

Кто-то из молившихся в притворе, поймав на слух хлесткое выражение «монастырские свиньи», в недоумении покосился на Бойцова. Фотиния, наконец, признала его, и губы ее дрогнули в улыбке.

– Вспомнила лабузу, как же! Чи, я тебя в церкву не пушала с рисуночками твоими тюремными. Ноне с рукавами пришел. Поумнел что – ли? Ну, лабуза, чего надо-то? Опять, чи, с друзьями связался? Уж больно худо ты выглядишь. Грехи-то твои вон на лице проступили.

Олег машинально провел ладонью по небритой щеке.

– А у нас теперечи новая наркошайка прибыла, – продолжала вдовица. – Видал, наверное? За заборчиком сидят, дымят папиросками, бесам кадят, небо закрывают. Хоть бы раз в церкву пришли, нехристи, помолились бы «Неупиваемой Чаше». Тьфу ты, зла на них не хватает! – Она быстро перекрестилась и взглянула на Бойцова ласковее. – А ты вроде службы выстаивал, – смягчилась Фотиния. – Помню. Упористый был, не как нынешние. Помню, помню. Бывало, чуть не спишь на ходу, а стоишь до конца. Упористый. Да и хряков наших колол хорошо. Знать, не мучились. Сразу в ад родимые уходили. Ну, говори, что привело?

– Мне бы с отцом Ферапонтом увидеться?

Фотиния расплылась в довольной улыбке.

– Старец наш всем надобен, – соловьем пропела она. – А времечко его не то, что золота, брильянтов ст; ит. На службе он, в алтаре. Тебе, чи, по какому делу спонадобился старец?

– По личному, тетя Света, по личному.

– По личному, – передразнила его кликуша. – Всем старец надобен по личному. А постился ты перед тем, как явиться сюда? – грозно спросила она. – Исповедался? К нему нонче со всех краев съезжаются. Давеча грех один приезжал с Афона.

– Грек, наверное? – поправил Фотинию Бойцов. – Это нация такая.

– Ну, не расейский, – махнула рукой вдовица. – Чернуший такой, с бородой, в золоте весь. Очень важный. А приехал совет держать с наши батюшкой Ферапонтом, как толковать одно тайное место Иоаннова послания. Другой тоже был днесь, с севера какой-то монашек, хиленький такой, без бороды почти, отец Федор. Спрашивал насчет пашпортов.

– Перепись что – ли? Так была вроде.

– Да нет, чай. Про число антихристово спрашивал. В пашпортах, значит. А оно уже на всех нас заведено, число это. В магазин пойдешь, тебя там ихняя машина всего просветит, с головы, значит, и до ног. И ежели нет пока на тебе числа антихристово, то три шестерки незаметно приляпает. Как в пашпорте. Во как!

Довольная своим рассказом Фотиния успокоилась окончательно.

– Ладно, – шепнула она, доверчиво поглядывая на Олега. – Тепереча иди к его келейке, жди у входа. Службу отслужит батюшка, я ему о тебе скажу. Как бишь тебя? Буйнов?

– Бойцов я, Олег. После лагеря здесь был на послушании. За свиньями присматривал. Он должен помнить.

– Ну, значит, так и доложу. Примет так примет. А не примет, не обессудь. Значит что-нибудь есть на тебе. Уж он-то душу человеческую насквозь видит. Коль что не так, ноги тебя сами понесут. У-ух!

Бойцов улыбнулся «сочному» рассказу Фотинии, поблагодарил ее, еще раз поздравил с праздником, и, выхватив взглядом огромную фигуру Ферапонта, грозно возвышавшуюся над царскими вратами, вышел из церкви.

Иеромонах появился на улице примерно через час. Одет он был в праздничную ризу, изпод которой золотом отливали богатые епитрахиль и пояс. С левой и правой стороны иерейского облачения были перекинуты набедренник и палица – знаки особых церковных заслуг

отца Ферапонта. Вышел он из храма в окружении многочисленных духовных чад, которые ловили всякое движение наставника и своими согбенными спинами, казалось, выражали бессловесные смирение и любовь. Справа от иеромонаха шли крепкие низкорослые старички, ряженые в казачью офицерскую форму, – сие пышное воинство несло хоругви и иконы. Слева от Ферапонта, едва поспевая за ним, семенили сгорбленные сухие старушки – мармазеточки, запакованные, как монахини, во все черное. Позади этой свиты тащились убогие, юродивые, с трудом передвигающиеся больные телеса.

Возле входа в келию отец Ферапонт остановился, чинно повернулся к людям и, подняв правую руку в жесте клятвенной правды перед людьми и Богом, обратился к застывшим в ожидании пророческих слов духовным чадам:

– Глаголю, дети мои, не от себя. Но от Духа Святого, Который снизошел на многогрешного монаха Ферапонта в великий праздник Пятидесятницы. Наступают последние дни века сего. Ибо явился на землю злой гений. Услышал я, дети мои, нынешней ночью небесную музыку. Колокольный звон лился с небес. Заем разошлись небеса и спустились по небесной лестнице ко мне три ангела в белых одеждах.

Отец Ферапонт сделал внушительную паузу, обвел значительным взглядом оцепеневший от этих слов люд, и, очертив пред собою щепотью воздух крестом, продолжал вознесшимся голосом:

– И сказали мне ангелы: «Посланы мы Господом нашим, Отцом Небесным для того, чтобы спаслись остатки истинно верующих. Ибо пришел к нам в мир новый обманщик для того, чтобы сбылось пророчество Иоанна и правил он людьми три с половиной года. И явился он к нам не из краем израильских, а из пределов российских». Верным оказалось предначертание святителя Игнатия. Не смел я поднять глаза на ангелов. Были они белее самого чистого снега и ярче солнца. И спросил я у них о знамениях. Они же отвечали мне: «Как сказано в Писании, в последние дни века сего дети восстанут на родителей и убьют их, брат пойдет на брата, моры и глады прокатятся по земле». Все это уже есть, дети мои. И все это мы с вами каждый день видим. А знамение будет такое! – Густым сочным басом пропел Ферапонт. – Могилы разверзнутся, дети мои. Грешники вылезут на последнюю битву с праведниками. Будет стоять по всей земле стон и скрежет зубовный. Гробы заполнят весь белый свет. Гробы будут падать с небес как бомбы. Гробами закроется весь род людской. Так будет, будет. Аминь. Оглянитесь же, братья мои и сестры. Все эти пророчества сбываются. Дети восстают на родителей и убивают их. Родители убивают детей своих в зародыше. Брат поедает брата. Страшные болезни, доселе невиданные, пришли в мир. Голод и мол катятся по земле. Грешники вышли на битву с праведниками. И когда увидите вы, чада мои, разверзнутые могилы и гробы, падающие с небес – знайте, что наступают последние дни века сего. Сие будет, будет. Аминь.

Отец Ферапонт замолчал. Суровая тишина воцарилась среди скитников. Только со стороны беседки, где отравляли себя никотином реабилитанты, раздавался чей-то шаловливый смех. Неожиданно со стороны болот завыл сыч, и люди стали потихоньку выходить из оцепенения. Первой зарыдала в голос блаженная Аграфена, девица из Кинешмы осьмидесяти лет, которая почиталась среди посещавших старца людей наравне с самим Ферапонтом.

– Вай, вай, вай, – бухнулась едва живая от внезапного ужаса старушка на колени и молитвенным взором снизу вверх воззрившись на духовного наставника. – Куда же бежать нам, батюшка? Подскажи, родимый, что делать нам?

Бойцову, оказавшемуся невольным свидетелем этой сцены, показалось, будто он был вознесен чьей-то назидательной рукой за кулисы какого-то сумасшедшего психоделического театра с режиссером этого тщательно спланированного психоза – отцом Ферапонтом, – и дебелими актерами, готовыми впасть в истерию при одном только мановении руки своего Учителя.

Завывания блаженной стали катализатором моментальной цепной реакции: ее плач сходу подхватили остальные старушки, запричитали убогие и юродивые, заголосили басы казаков, и теперь уже целый нестройный хор безумных рыданий и мольбы о помощи понесся к небесам.

Бойцов стоял у прохладной стены жилого баккара и с ужасом и отвращением смотрел на все происходящее. Это был уже не просто театр абсурда, а способная на все толпа, преисполненная взрывным безумием.

Иеромонах молчал, стоя с закрытыми глазами перед этой толпой, и как будто чего-то ждал. Со стороны казалось, что он находится в глубоком трансе. Только губы его быстро шевелились в такт потаенным мыслям, а пальцы сухих крепких ладоней нервно перебегали по четкам.

– Скажи, родимый, что делать нам? – все настойчивее раздавалось со всех сторон. – Не оставь нас, отче, без твоего покрова духовного. Люби нас, чад твоих.

Наконец, отец Феррапонт открыл глаза, и завывания прекратились.

– Когда начнется Апокалипсис, – внушительно начал он, переходя почему-то на старое округлое нижегородское «о», очевидно, чтобы усилить эффект от своей речи. – И полетят гробы с неба, бегите сюда, в скит, под мою защиту, бросайтесь на колени и молитесь Отца Небесного о прощении. И я вместе с вами упаду наземь и стану просить Бога нашего о неоставлении земли русской.

Старец торжественно перекрестил воздух перед духовными чадами, медленно развернулся и направился в келью. Бойцов спиной вжимался в холодную стену, чувствуя, как его распирает гнев против мошенника и лжестарца Феррапонта. Между тем «старец», прежде, чем войти в келию, вплотную подошел к Бойцову, и, глядя на него строгими и страшными глазами, точно приказывающими всякому: «Смирись, червяк, упади передо мной на колени, ибо я – власть!», – начал медленно поднимать к лицу Бойцова правую ладонь для послушного лобызания десницы приемника мужей апостольских.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.